



Фридрих Евсеевич Незнанский

Степень покорности

Серия «Господин адвокат», книга 20

Предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137079
Незнанский Ф. Степень покорности: АСТ, Олимп; М.; 2002
ISBN 5-17-000000-0, 5-7390-1140-X

Аннотация

Арестованный по подозрению в убийстве молодой ученый категорически отказывается давать какие-либо показания. По просьбе жены арестованного защищать его берется Юрий Гордеев. Но сталкивается с молчанием подследственного. Вынужденный заниматься самостоятельным расследованием, адвокат попадает к сектантам, для которых религиозная деятельность оказалась лишь прикрытием куда более опасных и черных дел...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	49
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Фридрих Незнанский

Степень покорности

Глава 1

Наступивший день не предвещал ничего хорошего. Я бы сам мог предсказать себе не хуже любой цыганки: пустые хлопоты, дальняя дорога, казенный дом...

Погода не слишком радовала: под знойным июльским солнцем ощущаешь себя как огурец в парнике. Хуже московской жары в середине лета нет ничего. Каждый раз одно и то же: сутки напролет в каменном мешке, запарка с делами, головная боль и слабая надежда на освежающий дождь. В такие дни то и дело слышишь в новостях по телевизору про очередную серию смертей. Ну, у меня, слава богу, здоровье хорошее, подкрепленное многолетними тренировками, всегда старался держать себя в форме.

Я – Юрий Гордеев, бессменный адвокат московской юрисконсультации номер десять. Зарабатываю на жизнь хорошо подвешенным языком и знанием законов Российской Федерации... Государственного жалованья не имею... Потому, сами понимаете, живу я в основном на то, что удастся заработать частным образом. Как и девяносто девять процентов народонаселения. Хорошо, что «свободная профессия» да-

ла мне не только определенный авторитет, но и возможность завести подходящие связи в самых разных структурах.

Вздохнув, я заставил себя позвонить на работу. Трубку взяла новенькая секретарша Тамара, молодая и вполне очаровательная блондинка, кажется, даже натуральная, насколько я успел ее разглядеть...

– Да, Юрий Петрович... – послышался в трубке ее музыкальный голос.

– Тamarочка, никто меня не спрашивал?

– Как же, звонила вам какая-то женщина, отказалась представиться, я сказала ей, что так рано вы не появляетесь, но к обеду будете...

Женщины почему-то не могут удержаться, чтобы не связать или вообще как-то принизить вас при первой же возможности.

– Спасибо, Тamarочка... – сказал я. – Вино какой страны вы предпочитаете в это время года?

Тamarочка хихикнула, промяукав что-то кокетливо-томное, и отключилась. Я, конечно, и не собирался никуда ее приглашать, напрасно она рассчитывала, но, поскольку все на работе словно сговорились и считали меня опасным донжуаном, приходилось поддерживать шаткое реноме. Хотя эта Тамара очень даже миленькая... Даже очень...

Наскоро обтеревшись влажным полотенцем, я быстро натянул брюки, с содроганием надел рубашку, застегнул ее на все пуговицы...

В столице живем. Не могу я по городу ходить в пестрых шортах до колен, демонстрируя всем ноги. Я же не манекенщица. И даже не манекенщик. Впрочем, возможно, я немножко старомоден.

В принципе на работе я мог не появляться в связи с летними отпусками и общим застоем городской жизни. В конторе сидели полтора человека, целыми днями пили чай, барышни на компьютере пасьянс раскладывали... Однако я был совершенно на мели. Может, и не обломится мне ничего от этой женщины, но упускать даже малейший шанс заработать все же не следовало.

На всякий случай оставил включенным автоответчик с игривым сообщением: «Привет!.. А теперь вы скажите что-нибудь...» Мой голос, записанный на пленку, звучал приторно и противно. Не знаю, что в нем женщинам нравится?.. Но ведь нравится, и это обнадеживает.

Машина моя стояла на самом солнцепеке и, казалось, тоже изнывала от жары. Первым делом я открыл все окна. Включил радио. Передавали новый хит.

#Нас не догонят!

Нас не догонят!.. –

надрывались девичьи голоса.

Конечно, не догонят, хмыкнул я, кому вы нужны...

Ждал я этого лета. Очень ждал. А выходит – напрасно. На самом деле не «лав радио» мне бы слушать, а... Да и ра-

диостанции-то такой нет. Жизнь моя в данный момент ничем не напоминала приятный заслуженный отдых на зеленой лужайке. Честно говоря, здорово она разладилась. Прямо на глазах развалилась как карточный домик. Вообще-то я не люблю жаловаться, но самому себе можно было признаться: полная шляпа. Началось все, как всегда, с нехватки денежных средств...

Потом была бессмысленная, пустяковая ссора с красивой девушкой Вале́й, с которой я мирно встречался в течение нескольких месяцев, был доволен, намеревался встречаться еще долго и к переменам не готовился. Вдруг выяснилось, что девушку я устраивать перестал и вообще никогда не устраивал, подлец я законченный, зря она со мной связалась, и вообще ее мутит от моей небритой рожи. Я в момент остался не только без отдыха, но и без личной жизни.

– Ты, – сказала она мне между прочим, – эгоист, единственный сын у родителей, чего с тебя взять... А я тебя дожидаться не могу, мои годы уходят, мне замуж пора...

Самое обидное, что правду сказала. Замуж давно пора. А я – эгоист...

Который год подряд все знакомые девушки непременно хотят за меня замуж. Уж не знаю, зачем я им такой сдался, со всеми моими недостатками, которые они якобы прекрасно видят.

Так что сидит, поди, моя Валя обиженная у себя дома и ждет, чтобы я приполз на коленях к ней мириться... А у ме-

ня, честно говоря, нет сил выяснять отношения в такую погоду. Да и вообще не хочется...

Неприятности на этом не кончились. На следующий день после бурного ухода Вали на кухне у меня прорвало трубу. Возможно, такова была сила женских проклятий, что даже металл не выдержал.

Встаю я обычно поздно, но, слава богу, в этот день что-то подняло меня с кровати в семь утра. Сонно прошлепав на кухню, я мгновенно пришел в себя, ступив в холодную воду, морем разлитым плескавшуюся по кухне, достигавшую мне до щиколоток. Рванув дверку мойки, убедился, что прохудился шланг, соединяющий трубу со стиральной машиной. Это было совсем плохо, так как означало, что за ремонт никакой ЖЭК платить не будет, а если все протекло к соседям, мне придется вывернуть карманы.

Днем я был осчастливлен появлением соседей снизу – подо мной с некоторых пор располагалась детская музыкальная студия, стоившая мне немалых нервов: через перекрытия целыми днями доносились навязчивые гаммы.

Директриса студии, кипя от негодования, заявила, что вода залила рояль и еще пару инструментов и она намерена проводить освидетельствование. Это произошло именно в тот момент, когда подошел срок платить за квартиру, которую я уже год снимаю в одном из старых районов, причем заплатить надо было, как обычно, за несколько месяцев вперед.

Финансы, как я уже сказал, пели застольные песни во весь голос, из работы была одна мелочовка, еле на кефир хватало. Хозяйка, несмотря на наше давнее знакомство, после устроенного мной потопа проявила строптивость и взялась настойчиво меня выселять. Пока были прозрачные намеки, я держался, но вчера она заявила мне открытым текстом, мол, время – деньги. И как заключительный аккорд моих несчастий в воскресенье у меня заболели зубы...

Вот уже полтора часа я сидел на рабочем месте и вычитывал объявления о сдаче квартир внаем, одновременно пытаюсь подсчитать, сколько денег у меня осталось на сотовом телефоне и как скоро мне нечего будет залить в бак моего старенького «мерса», который я приобрел в один из редких периодов финансового благополучия. В моей ситуации ездить на «мерсе» типичное пижонство. А привычкой предусмотрительно откладывать на черный день и тратить деньги аккуратно я до сих пор не обзавелся. Не в моем это характере.

Когда я уже собирался подняться с кресла, хлопнуть дверью, послать всех клиентов подальше и отправиться к зубному, а потом съесть мороженое, ко мне явилась посетительница.

– Юрий Петрович, – сказала Тамара, заглядывая в дверь и улыбаясь, – к вам дама.

– Симпатичная? – спросил я машинально.

Тамарочка смешалась: и ругать, и хвалить другую женщи-

ну было для нее одинаково проигрышным вариантом. Люблю ставить людей в безвыходные ситуации.

– Запускай, – сказал я, смирившись с тем, что еще часа полтора придется провести в замкнутом помещении.

Тамарочка скрылась, вместо нее в кабинет вошла посетительница. Она была молодой и довольно красивой, но, как известно, женщина, которая к тридцати годам не выглядит красивой, глупа. Судя по замученному виду, женщина добиралась к нам общественным транспортом. Я обратил внимание на красные полосы от ремешков босоножек, впившихся в ступни, налет пыли на ногах, темные пятна на блузке. Нет, все-таки летом невозможно испытывать влечение к женщине. Разве что на курорте, на побережье...

– Юрий Петрович? – спросила она утвердительно, усаживаясь на стул. Голос был низкий. – Мне вас рекомендовал... – она назвала фамилию одного из моих старых знакомых, с которым я вот уже несколько лет не поддерживал отношений.

– Очень приятно, – протянул я, продолжая свои дедуктивные изыскания, – как же, как же...

...Домохозяйка. Что касается национальности, у посетительницы явно были восточные корни. Узбечка? Татарка?

Достаточно было одного взгляда, чтобы безошибочно определить – она нервничает.

– Слушаю вас... – ответил я, надеясь, что дело, о котором женщина собиралась поведать, принесет мне хоть немного

денег.

– Эльза, – представилась она, роясь в сумочке. Выудила портсигар, щелкнула серебряной зажигалкой. – Эльза Рафаэловна... Инсарова.

Я на всякий случай покивал, так как произнесла она это с важностью, хотя такую фамилию я встречал лишь у Тургенева, а вот в жизни не слышал. Татарка? Приятно, что я еще не всю наблюдательность порастерял.

– Вот по какому поводу я решила к вам обратиться. Моего мужа, – сказала она, затягиваясь, и тут руки ее сильно задрожали, – подозревают в убийстве.

Повисла пауза. Я потянулся и включил настольный вентилятор, без всякой задней мысли, но получилось неловко – Инсарова вздрогнула и стала разгонять табачный дым рукой.

– Но я уверена, что он невиновен, – сказала Эльза.

– Так, – согласился я. – А что, бывает и такое... Пожалуй-ста, если можно, по порядку. – Я придвинул пепельницу.

– Я, собственно, кроме этого, мало что могу вам сообщить. Вот вкратце. – Инсарова возвела глаза к потолку, задумавшись, выпустила дым через нос, став похожей на дракона. – Придя домой вечером в прошлую пятницу после работы – я по образованию математик, преподаю в университете, – обнаружила, что дверь нашей квартиры распахнута настежь. У двери стояли люди в форме. Следователь сообщил мне, что совершено убийство. Потом меня провели внутрь. В гостиной была большая лужа крови, на полу лежало тело

человека, мужчины, которого я опознала как нашего общего с мужем знакомого, Леонида Дударова, дирижера Московской филармонии. Моего мужа уже увезли. Говорят, его нашли сидящим в кресле. Милицию вызвали соседи. Они говорили, что слышали громкие крики, а потом никто не отозвался на дверной звонок.

– Вы видели мужа после убийства?

– Да... Когда я пришла к нему в изолятор, он отказался говорить. Насколько я знаю, он не давал никому никаких объяснений – ни следователю, ни адвокату. От свиданий со мной отказывается. Я, разумеется, в квартире не осталась. Живу сейчас у матери.

По четкости изложения сразу было видно, что способности к математике у Инсаровой имелись неплохие. Дала, так сказать, голый скелет происшествия. Теперь мне нужно было разговорить ее, выудить подробности.

– Понятно, – сказал я, давая понять, что по пять раз в день сталкиваюсь с убийствами и ничего необычного в данной ситуации не вижу. На людей это действует успокаивающе, – дескать, не только в нашей семье произошла трагедия, не мы одни уроды, а вот еще сколько народу, да еще, пожалуй, и похуже нас, и ничего, живут люди... – Хорошо, Эльза Рафаэловна, – сказал я, – а теперь давайте сразу с вами договоримся... Как я понял, у вашего мужа уже есть адвокат. А я не работаю в паре. Вам нужен частный совет, консультация или хотите, чтобы я взялся вести дело вашего мужа?

– Разумеется, хочу, чтобы вы взялись вытащить моего мужа из тюрьмы, – удивленно и холодно подняла тонкие восточные бровки Эльза. – Потому и обращаюсь к вам. Просто раньше у меня не было возможности проконсультироваться со знакомыми. Я получила о вас самые лестные отзывы. Возможно, адвокат, которого назначили моему мужу, и неплохой, но рисковать я не хочу. Мне нужен профессионал, который вытащит мужа, виновен он или нет. За работу готова платить хорошие деньги... Вы, вероятно, именно это хотели узнать?

О, какой гонор! Разве я обещал кому-то работать бесплатно?

– Что ж, не стану скрывать, – сказал я, – вопрос оплаты меня интересует не в последнюю очередь. Сумму гонорара мы обговорим чуть позже, когда вникну в подробности дела. Сразу предупреждаю, что сумма будет адекватна моим усилиям. Сделаю все от меня зависящее. Но я не волшебник. Если ваш муж виновен и у следствия найдутся достаточные улики, единственное, что смогу сделать, – это добиться смягчения приговора.

– Надеюсь все же, вы будете работать до максимального результата? – спросила Инсарова.

– Сделаю все возможное. Тут вы можете на меня положиться.

– Значит, вы готовы приступить к работе?

– Да.

– Хорошо, меня это устраивает... Юрий.

– Итак, – сказал я и, потянувшись, выключил вентилятор, словно подчеркивая серьезность момента и свою готовность перейти к активным действиям. В комнате наступила тишина. – Прежде всего, расскажите мне об убитом... Его фамилия Дударов? Он друг вашего мужа?

– Скорее просто хороший знакомый. Мой муж ни с кем не общался тесно, ему достаточно было семьи.

– Насколько хорошо вы и ваш муж его знали? Что можете сказать о нем, как о человеке? Какие у него складывались отношения с вашим мужем?

– Леонид Дударов, вы, может быть, слышали, известный дирижер... – пояснила Эльза. – У него есть... то есть был свой оркестр, они разъезжали с гастрольями по всему миру.

– Не слышал... – сказал я, не боясь прослыть некультурным. (Я на такие вещи внимания не обращаю, мне импонирует имидж грубого парня.) – И какие же отношения связывали вас с известным дирижером?

– Ну-у... Он заходил время от времени в гости, мы общались, он у нас обедал, они с мужем вместе иногда куда-то ездили отдыхать за город. Они, кажется, много лет были знакомы, еще до моей встречи с Игорем. Знаете, как это бывает – связи, связи... В наше время так важно их поддерживать.

Тут я не мог с ней не согласиться.

– А вы?

– Что я?

– Вы тоже ездили с ними отдыхать?

– Нет. Зачем? – искренне удивилась Эльза. – Мы с мужем редко вместе отдыхаем. И так видим друг друга круглый год...

Ага, еще один образец крепкой семьи, ячейки современного общества...

Мне нужно было задать один щекотливый вопрос, чтобы перейти непосредственно к делу. Я смотрел на Эльзу, пытаюсь представить, как онаотреагирует. Впрочем, все равно, хотелось немного сбить с этой дамочки спесь.

– Скажите, – наклонился я к ней доверительно, – а муж ваш не обладал никакими... нетипичными наклонностями? А то, знаете, артистическая среда...

– Что вы имеете в виду?! – отшатнулась Эльза, притворно шокированная. – Ах, это... Нет, что вы. Вот новые времена, – она патетически воздела руки. – В приятельские отношения никто уже не верит, обязательно подозревают что-нибудь эдакое... Нет, мой муж абсолютно нормальный человек. Поверьте мне. Тем более что в артистическую среду он не был вхож... Он ведь у меня физик, ученый. Тихий человек. Знаете, как в комедиях про ученых – и рассеянный, и задумчивый, и непритязательный...

– Ага, – сказал я и из озорства пошел еще дальше: – А насколько тесные отношения связывали лично вас с Дударовым?

Глаза Эльзы сверкали изумрудами.

– Нет, он мне не любовник, ведь вы это имеете в виду, – произнесла Эльза с заметным колебанием и мечтательно. – Довольно странно, что вы подозреваете нашу семью в таких... отношениях.

– Ну, нет так нет, – сдался я, – сами понимаете, адвокату, как врачу, нужно рассказывать все, не стесняясь...

– Что ж, тогда продолжайте ваш врачебный опрос.

Я удовлетворенно откинулся на спинку кресла, не желая поддаваться неуместным разговорам. Клиентка, почувствовав, что мною, в отличие от своего мужа, ей вертеть не удастся, стала усиленно изображать маленькую, беззащитную девочку. Отлично, теперь мне будет гораздо легче. Клиент должен находиться под твоим влиянием.

– Эльза, можете вы допустить хоть на минуту, что это ваш муж убил своего друга? Может, была какая-то причина, по которой...

– Нет, – сказала Эльза поспешно, хотя не очень уверенно, – нет, причины такой не было.

– А как вы думаете, почему ваш муж молчит, если он не убивал? Быть может, он кого-то покрывает?

– Не знаю. Во всяком случае, не меня. Тем более у меня алиби. В милиции его уже проверили, можете ознакомиться. Да нет, смешно даже и подумать...

– Ну, в таком случае, быть может, вы знаете врагов Дударова? Или что-то слышали о неприятностях в его жизни? Ему завидовали, угрожали, он задолжал большую сумму де-

нег?

– Нет, мне ничего неизвестно, – с сожалением покачала головой Эльза. – Конечно, ему завидовали, как человеку популярному, известному, но ничего особенного... Да и разве дирижеров убивают? Ведь в крупных финансовых махинациях он никогда не участвовал, его больше интересовала музыка.

– То есть объяснения, почему труп оказался именно в вашей квартире, у вас нет? Зайдем с другой стороны. Были ли враги у вашего мужа?

– Откуда? Я же говорила – тихий человек, профессор МГУ, преподает физику, ни с кем особенно не общается, разве с педагогами кафедры... Да и студенты его любят. Он, знаете, никогда не стремился их срезать на зачете... Повод был бы больно мелкий, вы не находите?

– Эльза Рафаэловна, вы утверждаете, что жизнь мужа и его связи вам известны, вы знаете, с кем и как он проводил свой досуг... Правильно?

– Ну, если честно... Не совсем. Я же говорю – мы отдыхали порознь, регулярно каждый месяц он уезжал из дома на недельку за город, свежим воздухом подышать, здоровье поправить. Говорил, что снимает дачу. Сама я там не была ни разу, но возвращался он действительно отдохнувшим, иногда что-нибудь привозил – земляники там, грибов... Знаю, о чем вы думаете, но поверьте мне – Игорь мне не изменял, уж я бы знала...

Да, подумал я, ты действительно бы знала. Своего ты не упустишь... А Инсарова между тем продолжала:

– Прошу вас, Юрий, сделайте что-нибудь, что угодно. Дайте взятки судьям, прокурору... В конце концов, это же ваша стихия.

Вот не знал, что моя стихия давать взятки... Впрочем, у людей свои представления о профессии адвоката. Как и о всех других профессиях, связанных с государственной и судебной деятельностью. Вероятно, это генетическая память с недобрых советских времен. Если бы действительно все проблемы решались с помощью взятки...

Один мой знакомый, помню, должен был дать взятку должностному лицу, когда покупал себе квартиру. Этот псих-агент по продаже велел ему ехать куда-то за сто первый километр, паковать деньги в пакет и прятать в дупло дерева! Надеюсь, мне удастся разобраться со своими жилищными проблемами без таких экстремальных действий... Впрочем, я опять отвлекся. А дамочка-то ждет от меня чего-то, так и впилась глазами, словно я достану из кармана амнистию ее мужу, как фокусник кролика из шляпы.

– Еще раз повторяю – сделаю все, что в моих силах. Но при одном условии.

Инсарова порывисто выпрямилась, изобразив напряженное внимание.

– Вы разрешите мне называть вас просто Эльзой?

Она мило покраснела и разрешила. На самом-то деле мне

просто лень было запоминать ее сложно выговариваемое отчество.

Уточнив кое-какие детали и договорившись с Эльзой Инсаровой о том, когда мы с ней созвонимся, я мысленно приступил к действиям.

Я вышел из здания юрисконсультации и вяло поплелся на стоянку. Не знаю, что со мной творилось. День едва за половину, а у меня лишь одна мечта: забраться под простыню, распахнуть настежь дверь балкона и часик-другой поспать... И холодного чая с лимоном... Как я, интересно, дело буду вести в таком состоянии?

Можно было поехать искупаться в Серебряный Бор, но, честно говоря, претило мне это бултыхание в грязной водичке, словно лягушки или котики на лежбище... Народу у воды сейчас до хрена, ручаюсь головой.

Но ближе к делу... Гордеев, сказал я себе, гонорар сам к тебе за красивые глаза не придет, так что давай показывай, на что ты способен. Соглашение на ведение дела в стадии предварительного следствия получено, аванс внесен, так что теперь за работу!

В конце концов, нельзя вечно зависеть от погодных условий.

Проводив прохладные струи фонтанов, сплошь облепленных по периметру незакомплексованной молодежью, с ордером в кармане я поехал знакомиться с делом подследствен-

ного Инсарова, чьи интересы мне отныне предстояло защищать. В машине, несмотря на открытое окно, я себя чувствовал как мышь в микроволновке...

...Дело мужа Эльзы Инсаровой, Игоря Инсарова, находилось в прокуратуре Гагаринского района, а вел его, как сообщила мне Эльза, следователь Артур Герасимов. Лично знаком с ним я не был, хотя что-то слышал, не очень лестное. Я направил свой драндулет в прокуратуру, решив ознакомиться с материалами дела, если мне их предоставит следователь, а заодно прозондировать, какими уликами располагает следствие. Судя по тому, что рассказала мне Инсарова, ее мужу не удастся отделаться легким испугом. Наши органы следствия имеют на своем счету столько нераскрытых убийств, что от такого ясного дела с имеющимся в наличии подозреваемым, застигнутым на месте преступления, нипочем не откажутся. Значит, мне, Юрию Гордееву, придется крутиться, умасливать и находить зацепки в материалах следствия и лазейки в процессуальном законодательстве. Как всегда...

А мороженое я все-таки съел.

Глава 2

Так уж получилось, что самая красивая девушка на мехмате, а может быть, и вообще во всем университете досталась Игорьку Инсарову. Можно сказать, совершенно случайно. Во-первых, наверное, из-за пресловутого «синдрома красавицы», когда никто и никогда даже не пытается познакомиться с яркой, красивой девушкой, справедливо полагая, что у нее и без тебя поклонников хоть пруд пруди и не тебе чета! Во-вторых, потому, что Эльза была настоящей восточной красавицей, жгучей брюнеткой с чуть раскосыми глазами. Опытные сердцееды и робкие вздыхатели ее сторонились, побаиваясь неминуемых суровых последствий... Нетрудно вообразить, что было бы с любым нахалом, покусившимся на такую дочь! На такую сестру! На такую невесту! Даже подруги в группе и в общежитии в ее присутствии вели себя строго и выдержанно. Вот она и провела в абсолютном одиночестве почти весь первый курс. А на летней сессии серьезный молодой человек Игорь, однокурсник, будто нечаянно подсел к ней за стол в читальном зале библиотеки... Одолжил красный карандаш... Помог отнести книги... Потом вместе сходили в буфет. Самым естественным образом Игорь проводил Элю к дверям общежития...

К следующему экзамену готовились вместе. Полученные две пятерки отметили походом в кино.

Никакого бурного романа у них не было. Все не по возрасту чинно, благородно. Со стороны никто и не заметил романтических отношений. Разве что на лекциях и семинарах всегда садились рядом.

На зимних каникулах в одной большой туристической группе поехали на университетскую горнолыжную базу в Домбай. Игорь, как сын преподавателей, был здесь уже не первый раз, поэтому и опекал Элю. Исключительно как новичка. Учил кататься на лыжах. Показывал местные достопримечательности. Фотографировал. А потом напечатал фотографии для всей группы. А Эле отдал фотографии раньше всех. И больше всех.

Под благовидным предлогом Игорь пригласил Элю в гости и познакомил с родителями. Будущие родственники не были разочарованы.

Летом после экзаменов к Эле приехал отец. Как оказалось, он уже многое знал об Игоре. Видимо, дочь в письмах подробно отчитывалась...

Он якобы случайно встретился с Игорем в коридоре факультета, где тот поджидал Элю. Дочь представила их друг другу. Познакомились. Через полчаса Игорь получил приглашение погостить, отдохнуть в деревне – в Татарстане! От неожиданности Игорь сразу же согласился. Как-то само собой получилось, что они тут же отправились через скверик на биофак. Игорь познакомил Элиного отца со своей матерью. Родители смущенно поговорили...

Вечером отец Игоря узнал о предстоящей поездке сына.

...В татарской деревне Шали Игорь провел самое счастливое лето в своей жизни. Ему здесь нравилось все! И тихие вечера, когда после солнечного дня наконец-то спадает жара, и воздух, наполненный ароматами трав, пронзительными запахами цветов. Ужин, когда семья собирается за длинным столом под звездным небом... Кто-то целый день работал на ферме, кто-то в поле... Простые и добрые люди...

Будущие родственники поселили Игоря в старом доме двоюродного брата. Видимо, рассчитывали устроить ему то ли курортную жизнь, как столичному мальчику, то ли проверку на самостоятельность... Как бы там ни было, но Игорь, предоставленный самому себе, в первый же день измучился от безделья и после полудня пошел на луг, где старики и мальчишки косили сено.

Поначалу, разумеется, ничего не получалось. Коса на втором взмахе неизбежно зарывалась в землю... Но кое-как Игорь освоился. Никто над ним не смеялся. Старики участливо кивали, упорно показывали, как и что. Мальчишки хмурились и тяжело вздыхали, сочувствуя ему, как тяжело больному. Наверное, им казалось, что взрослый мужчина должен уметь косить, а не получается у него по какой-то важной и серьезной причине. К вечеру Игорь уже косил уверенно. По ходу дела выучил несколько татарских выражений. Взгляды придиричивых мальчишек заметно потеплели.

Только вечером, когда все мужчины собрались за общим

столом, Игорь встретил Элю. Они издали обменялись долгими, выразительными взглядами.

Старики о чем-то говорили по-своему, смеялись, задорно поглядывая на Игоря, а потом заставили его показать всем свежие мозоли. Мужчины сравнивали его вспузырившиеся ладони со своими, загрубевшими и твердыми. Женщины заволновались, принесли какие-то примочки, бинты... Игорь смущенно отказался.

После заката он дождался Элю за воротами. И они, как пионеры, не прикасаясь друг к другу, прошли по улице на глазах у многочисленных соседей и родственников.

– Уезжать не надумал? – Из-под черных ресниц Эльза сверкнула глазами. – У нас тут... без удобств. И даже троллейбуса нет.

– Надумал... остаться, – улыбнулся Игорь и попытался обнять ее за плечи.

– Убери руки, – шепнула Эльза. – Тут все... все... видят... И слышат каждое слово.

Они молча дошли до последнего фонаря на улице и так же молча вернулись. Этим торжественным проходом они заявили о своем намерении быть вместе! Они объявили на весь мир о своей любви! В которой столько счастья! И гордость друг другом!

Такого волнения от предчувствия любви, такого счастья от близости любимой, от звука ее шагов, от ощущения близости, от ярких звезд над головой, от шороха листвы Игорь

не испытывал никогда в жизни!

...На следующее утро Игорь, к сожалению, проснулся слишком поздно. Его берегли и не беспокоили... На покос он опоздал. Хотя никому не обещал, но... хотел вместе со всеми. А теперь... будто барин – после всех, один... Уж лучше вовсе не показываться. Позавтракал один на летней кухне. Вышел на улицу...

Прогуливаясь, прошелся по деревне, любопытно заглядывая за заборы. И неожиданно встретил Ваиса, двоюродного брата Эли, у которого жил.

– О! – обрадовался тот. – Ты уже проснулся? Хочешь квасу?

– Наливай! – Игорь через калитку зашел во двор строящегося бревенчатого дома.

Фундамент уже полностью закончен, положены несколько венцов бревен.

Рядом штабелями уложены пронумерованные бревна. Под навесом сооружен большой верстак. Сверкают острые лезвия разнокалиберных топоров. Янтарным лаком светятся рубанки, фуганки...

– Это будет дом моего... Как это будет по-русски? Муж сестры, – Ваис налил квас из алюминиевого бидона и протянул Игорю большую керамическую кружку, запотевшую от холода.

– Шурин, кажется, – Игорь бережно взял тяжелую кружку. – Или зять...

Квас был густой и крепкий. С запахом черного хлеба.

– На жаре только квасом и жив, – приговаривал Ваис.

– Спасибо, – Игорь выпил до дна и перевел дух, вернул пустую кружку. – А я думал, что квас – это только русское изобретение.

– Кто его знает, чье изобретение, – хмыкнул Ваис. – Моя бабушка варит. Мне нравится.

– И мне нравится. Очень, – сказал Игорь, оглянувшись по сторонам и поднимая с земли топор. – Вы тут избу строите?

– Пятистенок, – охотно пояснил Ваис.

– А можно, – замялся Игорь, – я буду смотреть, как вы работаете? Если не помешаю. Я еще ни разу не видел, как это делается.

– Как-как? – засмеялся Ваис. – Очень просто делается. Бери больше, неси дальше!

Он ухватил тяжелое бревно за один конец и поволок его по траве. Игорь, не раздумывая, подхватил второй конец и, спотыкаясь, помог донести. Вместе уложили... Утерли потные лбы.

– Знаешь, почему раньше строили без гвоздей? – хитро прищурившись, спросил Ваис.

– Потому что гвоздей не было!

– Не-ет! – снова засмеялся Ваис. – Потому что пила зубцами рвет древесные волокна поперек. И эти рваные края быстро мокнут, гниют. А топор режет и сразу же в стороны давит, прессует срез. Одним ударом! Получается гладко

и твердо. Вода скатывается, дерево остается сухим. Дольше стоит!

– Вот это да! – поразился Игорь.

– И вообще, – серьезно добавил Ваис, – железо под дождем ржавеет, от ржавчины и дерево темнеет, рассыпается в труху. Если нельзя было без гвоздя обойтись, то и гвозди делали деревянными. Дубовые такие, квадратные в сечении, – и он показал на пальцах квадратик.

– Откуда ты знаешь? – удивился Игорь.

– Дед до сих пор так делает. Отец тоже умеет. И я тоже...

К вечеру Игорь не только освоил несколько приемов работы с разными плотницкими топорами, но и узнал, почему бревна укладывают северной стороной наружу.

– Годичные кольца тут более тесные, крепче древесина! – научил его Ваис.

Но самое приятное и интересное было в том, что Ваис говорил о сестре. Двоюродный брат рассказал, что Эльза была самой сообразительной ученицей не только во всей деревне, но и во всем районе. Ее с первого класса возили на ученические смотры, химические, физические и математические олимпиады. Она всегда привозила награды! И все десять лет проучилась только на одни пятерки! Свою золотую медаль получила заслуженно! К ее родителям даже приезжали ученые старики из Казанского университета, просили уговорить девочку, чтоб она поступала именно к ним, говорили про традиции Лобачевского. Но, увы, Эльза – девушка

упорная. Если сказала, что поедет в Москву, то спорить было бесполезно.

Не только брат, но и другие знакомые и родственники как-то ненароком, к слову вспоминали забавные случаи из детской жизни собственных детей и конечно же Эли.

– Это школа, куда ходили наши отцы, за ними и мы, а потом наши дети, теперь сюда ходят учиться наши внуки! – показывал старик Магомет. – А учителя все те же. Молодых совсем немного. Лет пятнадцать тому назад директором стал сын моего директора – Гафуров Летфолий. И тот тоже был Летфолий. Учительствовать – это у них в крови. Из рода в род! Хороший учитель – это судьба целого поколения детей. Так в Коране сказано...

После длинной цитаты из Корана Магомет с удовольствием рассказывал о том, как детишки с директором Гафуровым ставили новогодний спектакль.

– Эля была настоящим пончиком! – смеялся старик. – А хотела быть снежинкой. Как все другие девочки. Но ее сделали медвежонком! И она... ох-хо-хо, – хохотал старик, придерживая полы ватного халата, – она подралась!.. Ох-хо-хо!.. Они подрались... Со Снежной бабой... Прямо под елкой! Медвежонок и Снежная баба. Ох-хо-хо... Такие маленькие! Такие хорошенькие! Ох-хо-хо... Из-за чего-то там... Не помню, из-за чего... Ну, – старик утирал слезы, – такое и в кино не показывают.

В этот счастливый месяц, когда Игорь и видел-то свою

невесту только на прогулках, не больше часа... перед сном, едва успевая рассказать ей о собственных переживаниях и свершениях за день, он узнал ее гораздо больше, чем за весь предыдущий год, да можно сказать, что и за все последующие годы. Игорь влюбился по-настоящему...

Влюбился в эту деревню, в этот спокойный, размеренный уклад жизни, в этих прямодушных людей.

Игорь сдружился с местными парнями, в кузнице научился ковать железные гвозди, класть кирпичи, скакать на лошади – даже без седла!

Много интересного, мудрого и важного он узнал в неспешных вечерних беседах со стариками... И даже выучил на арабском несколько сур из Корана.

...Зимой родители Эли приезжали на недельку погостить к родителям Игоря. Визит прошел на должном уровне.

А на следующее лето они поженились.

Хотели устроить широкую свадьбу в деревне. По всем правилам. Но... Игорь так и не решился принять мусульманство... Собственно говоря, только обрезание его остановило. А Эльза согласилась на обычную гражданскую свадьбу. Расписались во Дворце бракосочетания. Лимузин, ресторан...

На свадьбе присутствовали только ближайшие родственники. За все время учебы ни Игорь, ни Эльза ни с кем из однокурсников не сдружились. Им хватало друг друга.

Учеба обоим давалась легко. Без напряжения доучились,

защитились. Игоря, как и предполагали родители, тут же пригласили в аспирантуру, Элю оставили преподавать на кафедре дискретной математики.

После женитьбы, еще во время учебы, когда родители, понадеявшись на скорое рождение внуков, скинулись и купили кооперативную квартирку, молодожены стали жить самостоятельно, и Эльза с неприятным удивлением обнаружила много неожиданных странностей в характере и в образе жизни молодого мужа. Она никак не предполагала, что он так серьезно увлечен восточной философией, синтоистскими и буддистскими, какими-то кришнаитскими религиозными учениями и течениями. Игорь посвящал много сил и времени увлечению. Несколько раз будто невзначай заводил с Элей разговор о карме, о реинкарнациях, о дао, но жена его интерес не разделила, разговоров не поддержала, и он больше никогда не обращался к ней с этой темой.

Элю тревожило, что он регулярно уезжал на встречи с единомышленниками. То это был воскресный вечер, когда она планировала пойти с мужем в театр, то праздничный день. Игорь, отложив лыжную прогулку, уходил с самого утра... Иногда он отправлялся на пару дней. С ночевкой. Эльза стыдилась говорить об этом с супругом, а тем более со своими или его родителями.

В первое время только раз или два в году Игорь уезжал, как он сам говорил, в служебные командировки. Так как в университете ни о каких подобных командировках речи

быть не могло, Эльза решила, что это встречи с единоверцами. Как бы там ни было, она сама была воспитана в обстановке серьезного отношения к религиозным убеждениям, поэтому, не разделяя веры супруга, относилась максимально терпимо к его догмам.

Однажды, встретив Игоря после командировки и разбирая в его чемодане вещи, неожиданно обнаружила непрозрачный полиэтиленовый пакет, в котором были плоские маленькие пакетики с белым слежавшимся порошком.

– Ты решил заняться секретным бизнесом? – иронично спросила Эльза.

– С чего это ты взяла? – Муж вышел из ванной в зеленом махровом халате.

– Да вот, – она показала пакет, – какие-то реактивы. Химикалии...

– Оставь, – Игорь вырвал пакет у нее из рук, – тебе лучше этого не касаться.

– Если ты решил подрабатывать на производстве, то...

– Эля, – Игорь положил пакет в чемодан и закрыл его, – пусть это останется моим маленьким секретом.

«Маленькие секреты» регулярных командировок все больше и больше интриговали Элю. Каждый раз Игорь уезжал неожиданно. Днем еще ничего не предвещало разлуку, а к вечеру он внезапно срывался с места, спешно бросал в чемодан, что придется, что попадется, и был таков! Все чаще и чаще повторялись эти командировки.

Недельки через полторы со дня отъезда он возвращался заметно отдохнувшим, загоревшим. Умиротворенным и покладистым.

Сомнения в деловом характере командировок закрались после того, как Игорь обмолвился, что был в поездке со своим товарищем Дударовым. А тот... вовсе не математик. Он дирижер и композитор. Какая у них может быть совместная поездка?

«Маленький секрет» мужа со временем обернулся для Эли большой тревогой. Нет, она вовсе не была любопытной, не из тех женушек, кого огнем жжет мужнина тайна. Да и не было у нее времени для праздных размышлений. По-прежнему ранним утром в переполненном троллейбусе добиралась она до университета и поздно вечером, не чуя под собою ног, возвращалась к плите. Днем семинары, коллоквиумы, лекции, преподавательские и студенческие конференции... Статьи, рефераты... Студенты – бестолковые и талантливые, прилежные и ленивые.

Все те же аудитории, только теперь не она слушала объяснения, а объясняла сама! Она чувствовала, что это ее настоящее призвание. Ее уважали и ценили. От работы она получала истинное удовольствие, неплохо зарабатывала.

А вечером, приходя домой, она чувствовала – в этой жизни что-то не так.

Эльза пыталась проанализировать ситуацию и найти источник своей тревоги. Но... не смогла. Игорь? С работой у

него все в порядке. Даже старики, профессора и академики, на факультете и на кафедре, давно отвыкшие радоваться чужим успехам, обсуждали каждую опубликованную статью Игоря ревниво, но уважительно. Кто-то даже вскользь заметил, что, мол, физика – наука молодых. Значит, не с этой стороны нужно ждать беды.

Ну почему она ждет неведомой беды и так нехорошо у нее на сердце?

И вдруг однажды, вполуха слушая ответы студентов, она, кажется, все поняла.

Да! Несомненно. Ее тревожит не эта конспирация с лживыми командировками. Не рискованные таинственные поездки.

Ее тревожит сам Игорь!

Ну как же она могла не заметить? Он изменился, он совсем другой... Хороший, любимый, талантливый, но... другой.

Другой...

Каким мужчины становятся... от других женщин.

Эльза вспомнила, как пару недель назад она купила книгу для него, но не подарила. Книга была про карму, про дао... Не смогла подарить. Будто что-то сковало руки. Может, почувствовала, что он уже далек от этих интересов, никогда не говорит об этом и не думает.

Боже мой!.. Неужели?..

Вот уж действительно горе от ума! Тоже мне женщина-ма-

тематик! Либо женщина, либо математик... Ну как можно из всех решений все время выбирать самые сложные?! И неправильные... А правильное – вот оно! Самое обыкновенное объяснение всех загадок! Любая неграмотная баба давно бы догадалась.

– Неужели?... Все это время он обманывает меня, – прошептала потрясенная Эльза. – Это не работа... Пошлая, банальная история!

Вечером после занятий Эльза не осталась с лаборантками на кафедре пить чай. Домой. Скорее!

Бежала по лестнице в метро.

Ухватила за поручень и лихо вскочила в отъезжающий троллейбус.

Задышавшись, бежала к подъезду.

«А дальше что? – спрашивала она себя, поворачивая ключ в замке. – Если он не один?»

Дверь не открывалась!

Значит, Игорь дома! И действительно не один! Она нажала кнопку звонка и, пока раздавалась беспокойная трель, решила:

– А ничего... Убедиться. И ни он, ни его... молоденькая сучка не видят моих слез!

Внезапно дверь распахнулась.

– Привет! Ты чего так рано? – Игорь вышел с мокрыми волосами, в махровом халате. Привычно, равнодушно чмокнул ее в щеку. – Ты что, по улице так и шла? У тебя же плащ

на левую сторону.

Эльза заскочила в запотевшую от горячего душа ванную – никого! Она выбежала в комнату, быстро окинула взглядом – никого. На балконе – тоже... Проверять шкафы постеснялась.

Раскрытый чемодан стоит посреди комнаты. Значит, только что приехал. Наверное, постеснялся вести в дом...

– И не сказал никто, – сказала она, снимая плащ. – Быть мне битой.

– А разве ты веришь в глупые приметы? – Игорь устало улыбнулся.

– Нет, – сказала она как можно беспечней и побежала на кухню разогревать ужин.

Позже они пили чай, сидя друг напротив друга, как сидели когда-то, готовились к экзаменам. Эльза смотрела на Игоря и понимала, что у нее-то хитрить, исподтишка наблюдать, выслеживать, вычислять не получится. Не сможет она быть умненькой и хитренькой. Лучше уж разрубить этот узел сразу:

– Ты больше никогда не поедешь ни в какие командировки! Я все знаю!

Она вскочила из-за стола и побежала в комнату, чтобы Игорь не увидел, как набежали на глаза непрошенные слезы. Легла и свернулась клубочком на диване.

– Ты с ума сошла! Что ты знаешь? – Не на шутку испуганный Игорь ухватил жену за плечи. Это не было лаской. – Что

ты знаешь? От кого?

Эльза почувствовала, какие холодные, твердые и сильные у него пальцы.

– Эля! Говори! – Игорь поднял ее, как легкую куклу, и усадил напротив себя. – Не надо тянуть и хныкать. Говори прямо в лицо. Честно и прямо! Что ты хочешь?

– Я... Я знаю, как это бывает. Я вижу много девушек, пусть не на нашем факультете, на экономическом, на биофаке, на юридическом. Молодые, свободные, такие уверенные в себе. Я думаю, что... и ты... видишь... Они могли бы родить тебе ребенка.

– Что? – Пораженный Игорь вытаращил глаза. – Ты собираешься рожать?!

– И ничего страшного, – продолжала Эльза, сдерживая рыдания, – ты молод и красив... Ты мог бы увлечь любую девушку или тебя могли бы увлечь. Это теперь так просто... Они без лишних комплексов, настоящее европейское воспитание. Любая может повиснуть на шее...

– О господи! Какая чушь! – Напряжение отпустило, и Игорь рассмеялся искренне, нежно обнял ее за плечи.

Эльза смотрела на него покрасневшими глазами и тоже улыбалась, не чувствуя, как по щекам текут крупные слезы.

– Ну мне правда надо ездить. Я тебе потом как-нибудь объясню. Тут девушки ни при чем, честное слово. Не ревнуй, родная моя. Знаешь, а ведь я первый раз увидел, как ты плачешь. Даже не думал, что ты умеешь плакать. Такие

круглые и прозрачные слезы! – Он поцеловал ее в кончик носа. – А поездки мои деловые. Потерпи... Попозже ты все узнаешь. Представь, что ты жена Синей Бороды и это твое испытание. Не открывай этот ларец с тайнами, хотя ключик у тебя есть...

Он отошел от нее, достал из шкафа чистую рубашку и проговорил куда-то в глубину шкафа:

– Как говорят бедуины, бойтесь спрашивать, ибо наступит время и на вашу голову откроются все тайны!

Эльза смотрела ему в спину. Ей показалось, что теперь она должна продумать решающие ходы, что-то додумать до конца. Так бывает, когда во сне решаешь сложную математическую задачу, а условия ее все время причудливо меняются.

– Родная, что я могу для тебя сделать? – Игорь обернулся.

– А? – Вопрос вывел Элю из оцепенения.

– Ну как мне тебя успокоить? – Он смотрел на нее ласково, как улыбаются больным старенькие доктора, пахнущие йодом и душистым табаком.

Эльза обрадовалась, словно вопрос содержал какую-то подсказку.

– Привези мне подарок!

Получилось как в сказке. Видимо, так просила купца любимая дочка: «Привези ты мне, батюшка, цветочек аленький!»

Эльза улыбнулась.

В ответ на ее радостную улыбку Игорь лишь тревожно заметил:

– Какой подарок? Слушай, я ведь правда не отдыхать езжу. У меня там секунды свободной не бывает. Извини, но там и... пописать времени нет...

Он увидел, как она снова съежилась на диванчике, и решил не огорчать ее, сделать что-то приятное.

Из кармана куртки, висевшей на спинке стула, он достал роскошное итальянское портмоне, раскрыл, отсчитал из толстой пачки стодолларовых купюр несколько бумажек и протянул Эльзе:

– Я хочу, чтобы ты купила себе.... Купила себе, ну, скажем, туфли. Самые стройные ножки в университете должны получить обновку. В честь моего приезда! – Он, дурачась, уперся лбом ей в лоб, заглянул в глаза.

От этого взгляда, от этих детских дурачеств у Эльзы потеплело на душе, ей стало легко и покойно. Она прижалась лицом к его плечу, всхлипнула и сразу же ласково отстранила мужа:

– Не надо...

И тут она, будто очнувшись, увидела деньги. В ее руках были плотные шелковистые купюры с портретом в овальной рамке – американские доллары.

В бумажнике преподавателя университета пачка американских долларов, которую он мимоходом вынимает и автоматически – это невозможно, странно, удивительно! – бро-

сает шесть сотенных купюр!.. На туфли?! Он не знает цен!

Испуганный Игорь перехватил ее взгляд и встревожился еще больше:

– Ну да. Конечно! Как это я не подумал? Прости, милая моя... Этого может не хватить, – он добавил еще пару банкнот.

И тут Эльза ясно ощутила, что она, долгие годы живя с мужем бок о бок, давно существует для него в другом мире – в его прошлом! Там, где остались университетские зарплаты и учебные планы, студенты и графики экзаменов и зачетов...

В его новом мире приличные туфли стоят семьсот долларов, как и его пиджаки или свитера... Эльза никогда не обращала внимания на то, где и какие галстуки он покупает. Сколько стоят его скромные шелковые носки. Это портмоне из дорогой кожи. Вещи, которые она ежедневно видит, но не замечает. Вернее, до сих пор не замечала.

В этом чужом и запретном для нее мире есть что-то важное, чего она никогда не сможет узнать. Но оно существует! То, ради чего он тратит столько денег на одежду... На поездки... Это страшное, чужое, темное разрушило их любовь, пожирает их семью...

Теперь она была уверена, что семья находится в смертельной опасности. Знает ли он сам об этом?

По глазам супруги Игорь понял, что совершил чудовищную, непростительную оплошность. Ну, теперь уже не поправишь, он отвернулся. Щелкнул замками чемодана.

– Может, мне сейчас уехать?! Я могу переночевать у Дударова...

– Я тебя никому не отдам! – Эльза встала и уверенно, властно положила руку ему на плечо. – Мне кажется, что мы сможем... Вдвоем...

– Вдвоем? – засмеялся Игорь, вскочил, подхватил ее на руки и закружился по комнате. – Мы всегда сможем!

– Уронишь! – заверещала Эльза.

– Как прикажешь! Роняю! – объявил муж и повалился спиной на диван.

В этот раз все окончилось игривыми шутками, поцелуями... Жизнь вернулась в свое привычное, спокойное и размеренное русло. Но как оказалось, не надолго.

Однажды вечером, вернувшись из университета, Эльза вышла из лифта с сумками, полными продуктов, и с ужасом увидела, что на лестничной площадке полно деловито снующих милиционеров...

Дверь ее квартиры оказалась открытой... Туда-сюда ходили посторонние люди, распоряжались в ее доме как хозяева, кого-то звали, куда-то звонили.

Ей в глаза бросилась огромная лужа бурого цвета, обрисованный мелом силуэт человека...

«Как в кино», – подумала она.

– Гражданка, проходите скорее. – Какой-то румяный сержант грубо загородил ей дорогу домой. – Вам здесь нечего делать.

– Как это – нечего? – возмутилась Эльза. – Это же моя квартира! Что произошло?

– Хозяйка пришла! – крикнул сержант в глубь квартиры, бесцеремонно ухватив Элю за рукав.

– Проводи на кухню! – донеслось из комнаты.

– Ладно, – великодушно разрешил сержант, – проходите на кухню.

Эльза боязливо двинулась на кухню.

Сержант споткнулся у нее за спиной:

– Нечего тут рассматривать, проходите быстрее!

– Молчать! – неожиданно зло шикнула на него Эльза. – Тут я командую!

– Проходите, – жалобно попросил сержант. – Вам сейчас все объяснят.

Дверцы шкафов и стены в прихожей и в коридоре были сильно испачканы растекающимися красными пятнами, там и сям на полу поблескивали багровые слизистые сгустки, будто в тепле таяли и разжижались кровавые медузы...

А на кухне – все чисто.

– Что вы тут делаете? – Эльза обернулась к нахальному сержанту, но вместо него перед ней оказался лысый широкоплечий здоровяк. – Что за шутки?

– Нам не до шуток. – Лысый сел за стол и жестом пригласил хозяйку. – Присаживайтесь! Мы вам звонили на работу, но не успели разыскать. Ввиду особой важности... и сложности... пришлось начать осмотр до вашего прихода. Но...

Не беспокойтесь. Дверь не повреждена – замок удалось открыть. С дверью все в порядке.

– А с чем не в порядке? – Ослабевшие ноги подкосились, и Эльза опустилась на стул. – Трубу прорвало? Мы опять затопили соседей?

– Если бы так, – мечтательно вздохнул лысый. – Мы по таким пустякам не приезжаем.

– Да кто же вы?

– Следователь. – Лысый, как фокусник, молниеносно показал какую-то красную коленкорovou книжечку, спрятал ее, потер пустые ладони. – Приходится сообщить вам ужасную вещь... Ваш муж...

– Он жив?

– Успокойтесь, жив.

Эльза глубоко вдохнула, задержала дыхание и выдохнула:

– Тогда в чем дело? Где Игорь?

– Ваш муж... Вы его позже увидите. Мы его вынуждены арестовать.

– По какому праву?..

– По уголовному.

– Что?

– Успокойтесь. Мы хотим во всем разобраться. Именно этим и занимаемся. Это и есть наша профессия – расследовать, что и как случилось. Но у нас слишком мало фактов, способных правильно осветить происшедшее.

– А я-то чем могу вам помочь?

– Вы обязаны нам помочь! – Лысый встал и, самовольно достав чашку из посудной сушилki, налил кипяченой воды из чайника. – Выпейте воды, – он подал чашку Эле. – Может быть, вам дать успокоительную таблетку?

– Я математик, – Эльза отхлебнула из чашки и не поставила ее на стол, а вернула следователю, – поэтому могу, как мне кажется, логически рассуждать. Что тут случилось?

– Мы не знаем. По вызову соседей приехали. Ваши соседи из... правой, кажется, квартиры позвонили и сказали, что из-за двери слышались истошные крики, а потом все замолкло и на их звонки никто не отвечал. Мы вскрыли дверь. Увидели кровь. Труп... Ваш муж, его опознали соседи, который отказался что-либо объяснять.

Эльза затаила дыхание.

– Как вы понимаете, он подозревается в совершении умышленного убийства. Будет содержаться в изоляторе временного содержания. Мы сразу же назначим и проведем судебно-психиатрическую экспертизу.

– А свидания?

– Я выпишу вам разрешение. Хотя и не положено во время следствия.

– Кто там? – Эльза глазами показала на комнату.

– Эльза Рафаэловна, – печально вздохнул следователь и ладонью погладил себя по лысине, – вот это-то и нужно нам выяснить. У вашего мужа все в норме по сексуальной части?

– В норме? – переспросила Эльза, мучительно вспоминая

подробности супружеской жизни. – Я не знаю, не специалист, но для меня... все в норме.

– Конечно, вам трудно судить. – Следователь снова сел за стол и посмотрел Эле в глаза. – Вы, случайно, не замечали за вашим супругом каких-либо странностей?

Эльза отрицательно покачала головой.

– Может, он дружил с какими-то необычными людьми? К вам приходили в гости его приятели? Как они одевались?

– Не приходили...

– Вы никогда на улице не встречались с его прежними товарищами? С которыми он дружил до женитьбы. Ну, школьные товарищи, однокурсники?

– Много раз.

– Вы никогда не видели странностей в их поведении?.. Ну, как бы это сказать?.. Накрашенные глаза, слишком яркие губы. Или специфические фасоны одежды...

– Что вы имеете в виду? – обиделась за мужа Эльза.

– Сексуальную ориентацию вашего супруга, – прямо сказал следователь, которому, видимо, надоело объясняться намеками. – Вы, конечно, могли ничего и не знать. Но какие-то знаки должны были бы заметить.

– Нет... Ничего такого не было. А что сам Игорь по этому поводу говорит?

– В том-то все и дело, он молчит. Он в шоке!

Эльза, секунду подумав, решила не спешить, не сообщать следователю все с первого раза, раз уж сам Игорь не посчитал

нужным говорить.

– Чем я могу помочь? – участливо спросила Эльза, поднимаясь из-за стола.

– Вы могли бы опознать убитого?

Эльза пожала плечами.

– Бурцев! – крикнул следователь в глубину квартиры. – Ты закончил осмотр трупа?

– Закончил.

– Я веду хозяйку на опознание!

– Ведите! – весело отозвался Бурцев.

Переступая через лужи свернувшейся крови, Эльза прошла в комнату.

Там на ковре, широко раскинув руки, лежал труп мужчины средних лет. Рубашка на нем была разорвана, тело изрезано... Словно бритвой.

Кровью залито все кругом. И мебель, и книги, и диван.

– Вы можете опознать личность потерпевшего? – спросил следователь.

– От-терпевшего, – пошутил эксперт, на корточках собирая свои инструменты в чемоданчик.

– Могу, – очнулась Эльза.

– Ну, – поторопил ее следователь.

– Это Дударов! Единственный друг моего мужа.

...Следователь и оперативники ушли около полуночи. Ушли, оставив после себя какие-то мятые бланки, использо-

ванные полиэтиленовые пакетики и чужой густой запах кожи и оружейной смазки. И все. Игоря увезли раньше.

Когда за ними захлопнулась входная дверь, Эльза отчетливо подумала, что теперь в ее жизни начался новый период. Может быть, не имеющий ничего общего с ее прошлой жизнью. Хотя, конечно, эта новая жизнь некоторым образом зависит от прошлой. Согласно учению о карме, в каждой последующей жизни человек расплачивается за грехи, совершенные им в предыдущей. И, как понимала Эльза некоторые туманные рассуждения своего мужа, целью человеческой жизни как раз является освобождение от влияния кармы.

Эльза некоторое время слонялась по пустой квартире, затем заварила горячего чая, полистала какой-то журнал и внешне поняла, что должна сделать в первую очередь. Подставив кухонную табуретку, она открыла дверцы антресоли. Там за коробками находился небольшой чемодан. Конечно, Игорь считал, что жена не подозревает о его существовании. Но, разумеется, ошибался.

...Чемодан был очень старый. Эльза очень удивилась, наткнувшись на него. Ей казалось, его давно выбросили. Что-то неприятное отозвалось внутри, словно провели гвоздем по стеклу. Это был чемодан из ее пионерско-лагерного детства, когда каждое лето она отправлялась в «Юность» – на все три смены. С восьми и до четырнадцати лет каждый июнь она набивала этот чемодан своими вещами и книжками, так

что он становился неподъемным, но все же упорно не хотела ни с чем из собранного расставаться. Она ненавидела этот чемодан — он стал символом ее ссылок. Теперь он казался Эльзе куда меньше, хотя все равно он был довольно вместительным. Из синей искусственной кожи, поцарапанный, обшарпанный, со следами шариковой ручки, с полуотвалившейся застежкой, с остатками навечно прикрепленной картонки с Эльзиными именем и фамилией на крышке. Теперь чемодан для верности был обмотан широким коричневым скотчем, иначе несомненно бы раскрылся. Эльза вытащила чемодан на свет, тот отозвался забытой, но все-таки очень привычной тяжестью. Как и в детстве, он был неподъемен. Эльза ножницами разрежала скотч, и грязно-синяя крышка откинулась сама собой...

...Эльзе почему-то вспомнились кадры из гангстерских фильмов — толстые, одна к одной сложенные пачки денег. Но только перед ней явно были не деньги. Осторожно, словно нечто взрывоопасное, она взяла один из пакетиков. Разрезала скотч, надорвала полиэтилен. На пол посыпался легкий белый порошок. Эльза коснулась его пальцем, хотела было понюхать, но услужливая память вновь подсунула навязанный кинематографом опыт: многочисленные кадры с нюхающими вот точно такой же белый порошок истощенными молодыми людьми слились перед ней в один грандиозный коллаж. Наркотики, сомнений тут быть даже не могло. Теперь ей все стало ясно. Если в доме находятся наркотики, то до

убийства даже не шаг нужно сделать, только пошевеливнуть-ся! Значит, арест обоснован. Значит, все это правда...

Неизвестно, сколько времени Эльза просидела вот так на полу перед распахнутым чемоданом. Из ступора ее смог вывести только телефонный звонок. Она взяла трубку. На другом конце провода говорить с ней не пожелали, а может, просто поняли, что ошиблись номером. Так или иначе, Эльза очнулась. Движения ее стали мягкими, но очень точными. Она засунула все вывалившиеся пакетики обратно в чемодан, с трудом защелкнула замки и обмотала поверх прозрачным скотчем – коричневого в доме не нашлось. Потащила чемодан к выходу, но поняла, что так не пойдет – он был слишком тяжелым. Тогда она опять разрежала скотч, раскрыла злополучный чемодан и рассовала маленькие коричневые сверточки по пакетам.

Она вытащила чемодан, отнесла в прихожую. Потом оделась и, прихватив пакеты, вышла во двор.

Здесь было пусто. Эльза быстро пересекла двор, подошла к мусорному контейнеру и выбросила пакеты. Один из них порвался и небольшие, аккуратно замотанные коричневым скотчем пакеты скрылись среди мусора. Затем Эльза вернулась, взяла чемодан, снова спустилась во двор, пошла в дальний угол двора, где стоял еще один контейнер. Здесь она избавилась от чемодана.

Теперь можно было начинать новую жизнь...

Глава 3

– А что я могу? Молчит он. Как воды в рот набрал... Да ты сам убедись. И не то чтобы понты там какие, мол, без адвоката разговаривать не буду... Ему что с адвокатом, что без. Уж мы подсылали к нему государственного адвоката... Значит, теперь ты его вести будешь, вот оно как.

У следователя Герасимова было приятное круглое лицо, чубчик и светлые голубые глаза. Все это придавало следователю детское выражение, хотя Герасимову было основательно за тридцать, и мужчина он был серьезный, плотной комплекции. Но если приглядеться внимательно, становилось ясно – такому палец в рот не клади. По локоть откусит, причем сохраняя на лице добродушное выражение.

Про себя я тут же окрестил его «добряк Билли Бонс», это у меня игра такая, клички людям давать, пользуясь детскими литературными воспоминаниями. Был такой обаятельный пират Билли Бонс.

Приятная внешность следователя Герасимова была обманчива. Я с трудом припомнил все, что мне когда-то доводилось слышать от Вячеслава Ивановича Грязнова, начальника МУРа, – тот столько лет сидел на своем месте, что всех московских сыщиков и следаков знал в лицо, на каждого в уме у него было заведено досье, и временами он делился в частных беседах этими сведениями с племянником своим,

Денисом, мне по старой дружбе кое-что перепало. Если я Герасимова ни с кем не путаю – это тот самый, что несколько раз чуть не загремел за нарушение процессуальных норм при рассмотрении уголовного дела. В доме у него живут два здоровенных дога. Животных любит, а вот людей не очень...

Явился я в прокуратуру Гагаринского района без предупреждения и на особо теплый прием не рассчитывал. Однако, взяв у меня ордер на защиту и узнав, кто я такой, Герасимов стал необычайно любезен. То ли слухи о моих скромных подвигах просочились сквозь эти казенные стены, но вероятнее другое – расчет на мои предполагаемые связи в надзвездных сферах, возможность через меня наладить личное знакомство с начальством.

Только зря он старался. Не нравятся мне люди, легко и непринужденно после первой фразы переходящие на «ты». Я и сам предпочитаю разговор на «ты», но люблю, когда у меня на это предварительно спрашивают разрешение.

– Может, при тебе у него язык и развяжется, только странный он тип: до того дошел, что даже на вопрос «имя-фамилия» не отвечает, чисто анекдот! Ну, да мне без разницы, я это молчание лично для себя классифицирую как половину признания. Я ему и говорю: может, скажешь хотя бы который час?.. – Герасимов захихикал.

Я тоже хмыкнул, одобряя его средние юмористические способности.

– Да на вот, смотри, – Герасимов швырнул мне папку с

делом Инсарова. – Все, как положено, только протокола допроса нет, – естественно, подследственный ведь в молчанку играет. Неуловимый мститель. А вот и фотографии...

– Интересные картинки, цветные, – сказал я. – Со всех ракурсов. Действительно, кровища.

– Крови как на бойне. А туда же – генеральский дом...

– И колер, – добавил я, рассматривая фото, – и композиция... Для выставки вы, что ли, их готовили?

– Сашка Круглый снимал, я ему передам твои восторги. Он у нас на оператора учился, все до сих пор прославиться мечтает.

– Голова разбита? – спросил я.

– Вдребезги. Не знаю, чего это он так разошелся, ведь профессор-то сам хилый, а этот покойничек гляди, какой красавец... Здоровяк!.. Инсарову, наверное, на цыпочки вставать пришлось, чтобы его огреть. Но удар мощный, череп раскрошился, в волосах мозга... И тело все исполосовано. Столовым ножом. Очень острым. Зачем? Непонятно. Будто уже остановиться не мог. Я уж после думал: не проглотил ли себе Инсаров с перепугу язык, но он ничего, обед нормально жрет...

– Судмедэксперты что говорят, результаты вскрытия готовы?

– Нет, медицинскую экспертизу не сделали еще, – досадливо поморщился Артур, – тянут, как обычно. Да тут и без экспертизы можно все представить. Ждал гостя, стол на-

крыл. Посидели недолго, выпили всего по бокалу. Да еще и вина легенького, сухого. А потом, стало быть, разговор между ними произошел. Не знаю, чего не поделили – то ли бабу, то ли деньги. Нервничали оба – пепельница окурков полна, затушены все неровно. Ну а потом Инсаров кинулся на гостя и убил. Больше никого в квартире не было. Так что дело ясное, не знаю, на что ты рассчитываешь, если честно. Или тебе так и так заплатят? Квартира в крови, брызги крови у Инсарова на рукаве, отпечатки пальцев повсюду его, да ведь он его чем – он его утюгом! Взял и шарахнул... Известное дело. Но если бы спьяну... А то трезвый же был!

– Не знаю, – с сомнением протянул я, – это же не разборка супругов на коммунальной кухне... Интеллигентный человек ни с того ни с сего... Должна быть серьезная причина.

– А по мне один хрен – люди везде одинаковые. Чуть что не так – сразу за нож или что под руку попадет... Кстати, не шарахнуть ли нам за знакомство, а?

– Вот что, мне разрешение на посещение нужно, – сказал я, вставая, – я его хочу сегодня навестить.

– А... ну-ну, – сказал Герасимов. – Служебное рвение? Понимаю, при ваших гонорах и я бы побегал...

Завидует, подумал я, и этот туда же. Знал бы ты о моей «зря-плате»... Ну да, этот конфликт у нас с работниками правоохранительных органов давно цветет пышным цветом. Помимо юрисконсультации я иногда бываю связан с частным охранным агентством, которое возглавляет мой прия-

тель Денис Грязнов, племянник начальника МУРа Грязнова, частный детектив. Ну никак не могут люди привыкнуть к законам рынка... Аудитория у нас со следователями разная, делить нечего, к нам как раз те клиенты частным порядком обращаются, которые у государства поддержку найти не могут.

Вообще-то людям приятнее работать с нами, потому что тогда справедливость... персонифицирована. Надежнее, когда твоим делом занимается конкретный человек, например адвокат Гордеев, а не просто чиновник, который в тебе не заинтересован и функционирует как автомат: этого посадить, того отпустить. Личная денежная заинтересованность – гарантия успеха, это люди очень хорошо понимают. И для нас каждое дело – штучная работа. Не поставлено на конвейер. Есть возможность, при меньшей загруженности, войти в детали дела...

Так думал я, перебирая документы уголовного дела Инсарова в тоненькой папке.

Утюгом... А потом – ножичком, ножичком, хотя жертва уже испустила дух...

– Ну что ж, спасибо, – сказал я, вставая, – желаю удачи в работе. Только дело это не такое простое, как показалось вам с первого взгляда...

Следователь Герасимов смотрел мне вслед насупившись и что-то невразумительно пробормотал.

В «Матросскую тишину» я давно вхожу, как в дом родной. Хотя и не скажу, что с большой охотой. Сегодня оказаться внутри было даже приятно – от бетонных стен веяло прохладой, как из погреба.

Честно говоря, входил я под эти своды полный уверенности, что мне удастся разговорить Инсарова. Выходил слегка помятый, и самооценка моя резко упала, как барометр перед грозой.

Предъявив в проходной документы, я попросил дежурного, чтобы Инсарова привели ко мне для разговора.

Игорь Инсаров оказался худым брюнетом лет тридцати с небольшим. На узком носу его поблескивали очки, сильно увеличивающие глаза. В распахнутом вороте куртки виднелась тощая, как у цыпленка, грудь с редкими темными волосками. Игорь крутил на пальце обрывок суровой нитки и сердито сопел. Смотреть он на меня то ли не хотел, то ли не решался, глядел в сторону, в пол.

– Я ваш защитник, фамилия моя Гордеев, – провозгласил я, вставая со стула.

Инсаров, мой единственно верный будущий заработок, даже не глянул в мою сторону, хоть и вздрогнул беспокойно.

– Ваша жена передавала вам привет, – мягко начал я, присаживаясь. – Она очень беспокоится о вас. Именно она заключила со мной соглашение на вашу защиту.

Инсаров пошевелил бровями, но ничего не ответил.

– Позвольте еще раз представиться – Юрий Гордеев, ваш

новый адвокат. Игорь, в ваших интересах рассказать мне все. Не беспокойтесь, тут нас никто не сможет услышать, и ничто из того, что вы мне сообщите, не будет использовано против вас, наоборот, в ваших – и моих – интересах сделать все возможное для скорейшего вашего освобождения. Вы меня понимаете?

Инсаров вздохнул тяжело и перевел взгляд слева направо.
– Гарантирую вам... э-э... полную тайну! В сущности, если вы убили Дударова, можете не признаваться мне в этом. Адвокат – это не борец за правду. Моя функция – защитить вас, моего клиента. Нам вместе нужно выработать тактику защиты. Договориться с вами, что вы будете говорить на допросах... На всей стадии предварительного расследования...

Кто его поймет, что у него на уме, – смотрит на меня исподлобья, как на средневекового палача, можно подумать, я его истязать горячими клещами пришел. Я должен заявить ходатайство о проведении стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Не каждый может утюгом махать. Известное дело, человек, пусть даже и убил этого Дударова в состоянии аффекта, может, к жене взревновал или что. А потом увидел дело рук своих, и... готовый пациент психиатрической лечебницы.

Стоп... Вырисовывалась определенная линия защиты. Эх, жаль, что нет суда присяжных, то-то бы я там разошелся...

– Что ж, Игорь, – вздохнул я тяжело. – Молчать – ваше

право. Имейте в виду, что дело ваше очень серьезное. Тягчайшее преступление. Совершенно. Смертная казнь у нас в стране отменена... Но сроки за такие преступления очень значительны.

А может, он правда того? Версию насчет жены, кстати, не худо бы и проверить. На всякий случай. Так, Гордеев, давай думай... Только информации, как ни крути, пока мало.

— Хорошо, — сказал я. — Даю вам время подумать. У нас с вами еще... — я взглянул на часы, — двадцать пять минут. После чего встаю и ухожу. А вас отводят обратно в камеру. В следующий раз я приду не скоро... Вы должны понять, что я — защитник, а не следователь. Я же хочу вытащить вас из этого дерьма. Поймите, у меня же есть и другие дела... А вы тут в молчанку играете.

И я, положив на стол часы так, чтобы и Инсарову было видно, замолчал. Молчал и Инсаров. Никогда я еще не оказывался в такой странной ситуации: сижу в каменном мешке, напротив меня чужой мне человек, подозреваемый в зверском убийстве, оба мы тяжело молчим, как подростки на первом свидании, и шарим глазами по сторонам. Инсаров несколько раз лишь тяжело вздохнул. Стало скучно. От нечего делать я принялся следить за солнечным зайчиком, вяло переползающим от окна на противоположную стену.

Наконец двадцать пять минут истекли, и затянувшееся молчание кончилось.

— Игорь, — вздохнул я, — хорошо, что мы понимаем друг

друга без слов... Ну вы хоть намекайте, слышите вы меня или нет. А потом можете хоть чернильницами закусывать или мыльные пузыри пускать. Может, я тут зря перед вами распинаясь? А? Обет молчания вы дали, что ли?

Наконец-то я его расшевелил: Инсаров поднял голову и посмотрел прямо на меня. Его губы дрогнули, словно соби-рался что-то сказать, но потом усилием воли он вновь заста-вил себя смолчать, и на лице появилось решительное и упря-мое выражение, какое я видел на мордах не желающих везти повозку ослов.

– Ну что ж, – вежливо сказал я, вставая, – благодарен вам, Игорь, за самые тихие полчаса в моей жизни. Буду к вам за-глядывать, время до суда еще есть. Имейте в виду: я добрый, очень умный, хороший и очень настырный. А гонорар свой я привык отрабатывать.

Нажал на кнопку звонка, дождался контролера и вышел. Не стал смотреть, как Инсарова отводили обратно в каме-ру, – интересно, он и с уголовниками в молчанку играет?

Появилась у меня одна мысль...

А мысль вот такая: заеду-ка я в университет. Погляжу, с кем работал человек, коллег порасспрашиваю, может, что и выясню. Особенно если у него коллеги – пожилые женщины. Особенно если мне повезет и они знакомы с его женой. Тогда весь набор сплетен мне обеспечен...

Не знаю, кому как, а мне здание МГУ еще со студенческих лет напоминает бутылку. Большую, вместительную бутылку популярного в годы моей молодости египетского напитка под экзотическим названием «Абу-Симбел». В годы учебы мы его нередко пили в этом самом здании...

Я припарковался прямо на территории и неспешно побрел к нужному мне корпусу. Нахлынули ностальгические воспоминания о волшебной поре юности... Эх, не так бы сюда приехать, не по делу, а просто для удовольствия. Сходить на смотровую площадку, на город полюбоваться, познакомиться с замечательной девушкой с романо-германского факультета, например, попить вина... Ну ничего... Выберусь еще. А теперь – работа.

На кафедре, вопреки ожиданию, я застал только административную даму в возрасте и двух девочек-студенток на подхвате. Лаборанток или аспиранток. Педагоги были нарасхват, подрабатывали помимо основного вуза в новомодных колледжах и периодических изданиях.

– Да, слышали... Такое несчастье... – сказала дама, звали ее Нина Андреевна Здравая, и внешность у нее была соответствующая... На лице ясно читалась радость от собственной причастности к тайне.

Студентки стреляли в мою сторону глазками, но в разговор вступить не решались.

Здравая отвела меня в уголок, к подоконнику. Видимо, новость про скандальный арест преподавателя считалась в

университете секретной, хотя наверняка это был секрет полишинеля.

После всех этих предосторожностей я услышал то, что и так знал. Биографию Инсарова со студенческих времен, впрочем, еще не слышал, но вряд ли она могла мне помочь. Полезного в речи секретаря кафедры не содержалось ничего.

И здесь неудача, подумал я, выходя из кабинета. Сегодня день неудач! Совершенно не за что уцепиться. А я так рассчитывал на визит в университет... Неужели это тупик?

Я медлил уходить. Заложив руки за спину, стал прохаживаться вдоль стендов с объявлениями, расписанием занятий и прочей ерундой. Объявления попадались интересные, хотя, сколько я мог судить, студенческая жизнь со времен моей молодости нисколько не изменилась. Те же поиски работы, перепродажа оборудования, дискотеки и языковые курсы...

На одной из колонн меня заинтересовал наклеенный листок с плохой печатью, на котором было синей краской символически изображено солнце с расходящимися лучами, под ним какая-то бездарная речевка плюс приглашение большими буквами: «ВЫ ХОТИТЕ ПОЗНАТЬ СЕБЯ? ПОСЕТИТЕ НАШ СЕМИНАР». И телефоны. Странно, что такое допускается в стенах уважающего себя вуза...

– Послушай, друг, – прихватил я за рукав бегущего мимо студента, – зажигалки не будет?

Парень вытащил зажигалку и протянул мне. Я рассмотрел его, пока прикуривал.

– Это что у вас тут? – кивнул я на листовку. – Хаббардисты? Дианетика?

– Интересуетесь? – спросил парень. – Нет, это очередная секта. Дремучее Средневековье... Смесь языческих верований и христианства. Солнце, свет, Бог, радость и плодородие. Вегетарианцы... В целом ничего интересного. Но многие ходят...

– А вы?

– А мне на лекциях достаточно мозги пудрят, чтобы еще в свободное время всякой чушью забивать...

– Вы на каком факультете?

– Атмосферник я. А что?

– Физик, значит? А я юрист...

– Не поздновато вам учиться? – скептически окинул меня взглядом парень.

– Да я уж давно оттрубил свое, сюда так, по старой памяти... Скажи, а такой Инсаров Игорь у вас преподавал?

– Странно, что вы спросили. Нет, но он с нашего факультета вообще-то.

– А чего же странного?

– Да нет, просто он тоже, – парень покрутил пальцем у виска, имея в виду плакат, – из этих... солнцепоклонников.

Меня так и подбросило. Я почувствовал, что из этого что-то можно извлечь.

– Ты... вы... ты имеешь в виду, что профессор Инсаров интересовался какой-то там сектой?

– Ха, интересовался! Да он у них чуть не в правлении состоял. Не знаю, с чего это он вдруг, вообще-то раньше нормальный мужик был, без подпрыгиваний, вы бы слышали, как он о политике рассуждал... Может, у него несчастье какое в жизни случилось, от этого люди обычно в религию ударяются. Жена со студентом изменила или умер кто...

– А ты откуда все в таких подробностях знаешь?

– Я ходил к ним пару раз на семинар, – признался парень, – из любопытства... Да это пол-университета знает. Разве тут что-нибудь спрячешь...

– Тебя как звать?

– Костик.

– Ну бывай, Костик, – пожал я ему руку с чувством, – спасибо тебе.

– Не за что, – пожал плечами парень и удалился.

Я же смотрел ему вслед с умилением. Ай да Костик! Ну до чего симпатичный малый! Побольше бы таких студентов!

В приступе эйфории я достал мобильный и тут же набрал телефон Эльзиной матери, оставленный мне Инсаровой. Эльза, к счастью, оказалась дома.

– Скажите, Эльза, вы навещали уже в свою квартиру?

– Нет, в квартире я с тех пор ни разу не была. Не могу себя заставить, – живо отозвалась она. Видимо, первое потрясение уже миновало. – Там, во-первых, следственные мероприятия были, опечатали сначала, потом кровь... Я домработнице ключи оставляла... Можно возвращаться, только

страшно мне теперь там будет. Даже вещей никаких не собрала, не успела...

– Эльза, у меня к вам предложение. Сейчас мы едем к вам на квартиру, чтобы вам было не страшно, я осматриваю, что мне нужно, а вы в это время собираете свои вещи. Хорошо?

– А что вы, собственно, хотите найти?

Я помолчал, посмотрел на плакат, подумал и решил пока ничего Инсаровой не сообщать.

– М-м... мне пришла в голову мысль... Возможно, стоит осмотреть бумаги вашего мужа, там может содержаться что-то полезное... Вы позволите?

– Да, хорошо, конечно...

– Договорились. Я за вами заеду.

– Вы видели его? – спросила запыхавшаяся Эльза, садясь ко мне в машину.

– Видел, – неохотно процедил я.

– Ну и как?

Я пожал плечами.

– Ничего не понимаю... Какой ему толк молчать? Он что, с ума сошел?

– Это нам скажут психиатры. Буду ставить вопрос об экспертизе, – мрачно пообещал я, после чего Эльза испуганно смолкла и не разговаривала до самого дома.

Бумаги Инсарова содержались в относительном порядке в кабинете. Практически сразу мне удалось обнаружить в

ящичках стола переложенные другими бумажками несколько листовок, брошюрку и даже газету, выпускаемые организацией, высокопарно и безвкусно именующей себя «Орденом Солнечного Храма». Все с большой буквы, с претензией на исключительность...

Эльза Инсарова, судя по всему, была образцовой женой: она ни разу не заглядывала в бумаги мужа, о секте ничего не слышала и очень удивилась, когда я предъявил ей найденные доказательства.

– Первый раз слышу, – сказала она, брезгливо поморщившись и держа листовку на вытянутой руке. – Может, на улице где дали?

– Да нет, секта довольно прочно обосновалась в университете, ее основатель проводит там утренние семинары...

– Значит, там всучили... Странно, что он ее не выбросил. Забыл, наверное. Я же говорю – рассеянный...

– Судя по всему, не забыл, а специально прихватил с собой и хранил среди важных бумаг. Не знаете, что именно его могло заинтересовать в этой листовке?

– Да нет, не могу себе представить. Агитка, таких сейчас много. Игорь же ученый, он не интересовался подобной ерундой.

– Скажите, а Игорь верующий человек?

– Да нет, я бы не сказала. Он интересовался разными восточными философиями, кармой, дао и так далее... Но это носило характер увлечения. Мы никогда не говорили с ним

на подобные темы. Мне кажется, он атеист... Но не уверена.

– Простите за нескромность, а вы сами?

– Пожалуй, тоже атеистка. Знаете, мы привыкли иметь дело с реальными фактами и... А почему это вас интересует?

– Извините, Эльза, мне кажется, что вы плохо знали своего мужа, – сказал я.

Я, словно следователь, с удовольствием взялся распутывать новую ниточку, которая должна была привести меня к разгадке. Знать бы заранее, куда меня заведет этот клубок версий...

После посещения квартиры Инсарова мне оставалось сделать следующий логичный ход – поехать в консерваторию и разузнать что-то о Дударове.

В консерватории я не бывал еще со школьных лет... Хотя вру, ходил как-то на концерт с одной знакомой девушкой-студенткой, она была любительница классики... В этом храме музыки я не имел связей, не знал ни одной контролерши или буфетчицы и рассчитывать мог только на себя.

Не имея никакого плана, решил импровизировать. Впрочем, все оказалось довольно просто.

– Здравствуйте, разрешите к вам обратиться, – сказал я, вежливо кланяясь грозной билетерше, протягивая ей одну из листовок «Ордена Солнечного Храма». – Я к вам вот по какому вопросу...

Реакция превзошла все мои ожидания. Грузная дама вы-

хватила листовку, смяла ее и пошла прямо на меня. Она трясла рукой с зажатой в кулаке листовкой, словно библейский пророк. Я думал, что она меня проклянет или, того хуже, звезданет промеж глаз. Ее искаженное от гнева лицо покраснело:

– Убирайтесь вон, молодой человек, и не смейте больше сюда являться! И этому вашему передайте, если он еще раз рискнет показаться мне на глаза, я не посмотрю на то, что он воображает себя мессией... Так и передайте. Это же надо, какой человек из-за вас пропал!

– Простите... – пролепетал я.

Дама смерила меня взглядом.

– Не прощу! Этот ваш ловец душ шиш что получит в нашей консерватории! – сказала она и, сложив большую дулю, помахала у меня перед носом. – Достаточно, один спятил! За новенькими явились? Совести у вас нет, вот что.

– Да послушайте же! – взмолился я. – Произошла ошибка! Я вам все объясню, поверьте, я не имею никакого отношения к этой секте, а сейчас умоляю, скажите, о ком вы сейчас говорили. Вы знаете кого-то, вступившего в члены «ОСХ»? Это не... Дударов?

– Ясное дело, – сказала билетерша. – Слушайте, что вы дурака валяете, молодой человек.

Со вздохом облегчения я опустил на ступеньку.

Жена Дударова Марина, как сообщили мне в прокуратуре, проживала в трехкомнатной квартире на Цветном буль-

варе. В адресном столе мне выдали ее телефон беспрекословно. Когда я звонил договариваться о встрече, понимал, что мое положение шатко и мне вполне могут отказать в беседе: в конце концов, я лицо неофициальное, да еще адвокат убийцы ее мужа, явился к ней, как несложно догадаться, за добыванием доказательств его невинности или хотя бы смягчающих обстоятельств... Так что я был готов к холодной встрече.

Тем не менее по телефону Марина Дударова была вполне любезна и согласилась встретиться тут же, не сходя с места, так как через два часа в срочном порядке куда-то уезжала, и вообще, как она мне сообщила, время у нее на всю оставшуюся неделю расписано по секундам. Она довольно толково продиктовала мне адрес, деловито осведомившись:

– Вы на машине?

По ее тону я понял, что если бы был не на машине, то сильно упал бы в ее глазах.

Пришлось мне ни свет ни заря вылезать из дому и мчаться на встречу не позавтракав. Каждый раз, проводя расследование, мечтаю о том, как можно будет отоспаться и отъестся... Чуть позже. Причем это позже никогда не наступает...

В эту пору машин на бульварах было еще не очень много. Если б я выехал чуть позже, наверняка застрял бы в пробке. Сверившись с картой, припарковал машину в обсаженном липами дворе. Живут же люди... Мне бы комнату в таком доме, в центре... Сколько лет живу, а на такое не заработал.

Опостылили мне эти съемные квартиры с чужой мебелью. Старею, наверное...

Я нажал на белую кнопку звонка, раздались сладкие мелодичные трели, и дверь мне открыла невысокая тридцатилетняя коротко стриженная блондинка с большими глазами.

– Юрий Петрович, – представился я.

– А... Заходите, – сказала Марина и сразу исчезла где-то в глубине квартиры. Как понял, я застал ее в процессе нанесения макияжа.

– Только, как я говорила, скоро ухожу... – предупредила она меня. – У меня плановая тренировка в спортзале... Чаю хотите?

Я прошел за ней на кухню. Изнутри квартира тоже была ничего – тут не бедствовали. Мебель из «Икеи», но не самая дешевая. А вот общий дизайн... Марина была из тех женщин, что предпочитают яркие цвета и искусственные фрукты – зеленая клеенка на столе пестрела крупными красными яблоками, от которых у меня сразу зарябило в глазах, а шторы на окнах были белые с крупным черным рисунком – крестики-нолики, что складывалось во фразу, вполне соответствующую положению дел: «охо-хо-хо-хо»...

– Проходите, – покивала мне Марина, – садитесь, наливайте вот сами себе... – Она в быстром темпе выстроила передо мной батарею бутылок, сахар, чай и кофе. Сама Марина пила сок – типичная современная женщина с достатком, старающаяся держать себя в форме для мужа, который этот

достаток обеспечивает.

– Скоро муж за мной должен заехать, – сказала Марина, придиричливо глядя на себя в небольшое зеркало, установленное на подоконнике.

Я подавился горячим чаем.

– Второй, – уточнила Марина. – Разве вы не знали, что с первым мужем мы расстались?

– Нет, – развел я руками, – всеведение не входит в мою компетенцию. А позвольте спросить – давно?

– Да года два уже как...

– Все-таки позвольте мне выразить вам свои соболезнования.

– Да... Ничего. Спасибо, но не стоит – я не расстроена. Скорее довольна.

Встав, эта поразительная женщина прошлась по кухне, заглядывая в шкафчики, а я думал: почему это женщины сначала говорят, а потом думают?

– Первый раз за всю свою долгую практику вижу, – признался я, – чтобы кто-то был рад убийству.

– Ах, нет, – спохватилась Марина, приложив руку к щеке, – я не так выразилась... Что вы глупости говорите! – рассердилась она. – За кого вы меня принимаете? Конечно, это все ужасно, просто ужасно. Никому такой смерти не пожелаю. Но что я хочу сказать? Я, собственно, так и думала, что чем-то вроде этого все закончится, криминалом каким-то...

И очень рада, что мне удалось этого благополучно избежать. Жалко его, конечно... Но отношения у нас в последнее время были не очень хорошие, так что, если вы рассчитывали встретить убитую горем вдову... Я, в общем, давно вычеркнула его из памяти... Большой, между нами, был сволочуга.

— А могу я спросить, что послужило поводом для таких мыслей? Почему все это, как вы говорите, должно было плохо кончиться? И что, собственно, это?

— Ну, все его делишки... Извините, ничего, если я пойду в ванную, дверь закрывать не буду, оттуда все слышно, а мне нужно волосы подкрутить...

Она прошла в ванну, что-то напевая себе под нос. Я встал и подошел к дверному проему кухни.

— Да, так вы говорите, — сказал я, повышая голос, — темные делишки?

— Вот именно. Хотя я не говорила «темные». Нет, ну я понимаю, когда бизнес... Но это был не бизнес, а бог знает что. Деньги, конечно, были, жили мы нормально, ничего не скажешь... После развода вот он и квартиру мне оставил... Это у него не отнять, нам он всегда деньги давал, не жадничал. Но когда от родной жены человек скрывает, чем он занят, где, куда поехал... Это наводит на мысли. Я лично считаю, что вправе знать. Мы, в конце концов, общей жизнью живем. Я люблю деньги, да и кто их не любит, но когда живешь на деньги, заработанные сомнительным путем, это не может не беспокоить. А дом, я считаю, такое место, в котором долж-

но быть комфортно и спокойно, ты должен быть в нем защищен... Какая это семья, когда беспокоишься за себя, за ребенка, за свою жизнь... А тут – вот, убийство... Бр-р, какой кошмар!..

– А долго вы жили в браке с Дударовым?

– Четырнадцать лет.

– И что же, все эти годы он занимался своими темными, как вы говорите, делишками?

Я думал, Марина обидится, но она только рассмеялась.

– Понимаю, на что вы намекаете... Нет, сперва-то у него вовсе не было никаких денег. Во-первых, оба мы с ним приезжие, не москвичи, так сказать... Он – из Ташкента, я – из Казани... Познакомились мы, когда учились вместе в консерватории. В общежитии вместе жили, в одной комнате, когда расписались... Поженились мы на первом курсе, сразу почти как познакомились. Он видный такой мужчина был, высокий, темный... Вот они чем кончаются, ранние браки... А я глупая была, двадцати еще не было, мне одной страшно было в чужом городе, теперь, конечно, привыкла... Ну что теперь говорить. Что-то, конечно, и хорошее было. Особенно сначала, когда музыка, занятия... друзья, пили вино по вечерам... Я совсем была темная, в Казани больше дома сидела, такая необкатанная провинциалка, одеться не умела хорошо, да и не на что... А тут – компании, разговоры всякие... Хорошее, одним словом, время. Потом, как консерваторию окончили, вместе устраиваться стали... На гастроли

ездили по глухим уголкам нашей родины. Романтика. Только потом быстро я эту музыку забросила. Сперва не знала, чем занять себя, работать пошла не по специальности, занялась домашним хозяйством, ребенка родила... Он сейчас у бабушки... Нет у меня особенного таланта к музыке, знаете ли. Я бы не прославилась. А он прославился... Стал зарабатывать и по заграницам ездить. Ну, ездил бы, и ладно. Но, поездив и посмотрев, как люди живут, он тоже так захотел – и пошла эта гонка безумная по зарабатыванию денег. Целыми днями человек на работе, приходит усталый, а потом и вовсе в командировки стал ездить, причем не позвони ему, не спроси, как дела, – раздражается... Толку, короче, от мужа никакого, ни я, ни ребенок его не видим, а когда видим – так лучше б не видели... хмурый, злой. Вечно какие-то звонки, мужчины ему звонили, все с акцентом...

– А в какой области был этот его бизнес?

– Не могу вам сказать. Одно знаю – он требовал длительных поездок. Собственно, из-за этих поездок у нас все и... Один раз нашла у него билет в Ташкент в кармане. Я, говорит, ездил навестить больную бабушку или еще какую-то ерунду. Что ж ты мне, милый, не сказал сразу, говорю, я бы не волновалась... Наши родственники... А потом взяла и позвонила в Ташкент его матери – как, мол, здоровье, дела? Так она даже не знала, что сын ее в Ташкенте был! Ну вот что это такое? Когда к родной матери не заходил, хотя сто лет ее не видел? Что это могут быть за дела? Избави бог от таких

дел. Да вы у кого из знакомых с той стороны лучше спросите, может, там кто знает или слышал что, это ведь они с Игорем вашим Инсаровым что-то мутили вместе. Нашли друг друга два одиночества... А кстати, это что, действительно Игорь его убил?

– Я не исключаю такой возможности, – пришлось мне со-
знаться скрепя сердце.

– Ну, не знаю... Стало быть, деньги не поделили? А это не могло быть предупреждение от какого-то третьего лица, как вы считаете? Странно, такой тихий был этот Игорь. Что деньги-то с людьми делают...

– Да, так, говорите, вы в конце концов развелись?

– Еще бы! Стану я так жить? Сами видите – я молодая, красивая, неглупая в общем-то женщина. Мой нынешний муж во мне души не чает, тоже, между прочим, бизнесмен, и ничего, времени на все хватает... У него интернет-магазин. Если хотите, можете с ним познакомиться, если подождете. Поговорите, но он-то совсем ни сном ни духом, я ему о первом муже-то особо не рассказываю. Зачем? Неинтересно это.

– Да нет, вроде бы ни к чему, хотя за приглашение спасибо.

– Вся молодость насмарку, хоть теперь пожить нормально. Это же надо – убийство!.. Сыну что я скажу, когда подрастет? Надеюсь, он не в папочку пошел. А как-то с этим жить надо. И перед друзьями неудобно... Нет, как хотите, а даже и жалко мне его не особо. Ему больно было?

— Гм... На этот вопрос не могу вам ответить, — сказал я, — я не судмедэксперт, но думаю, что все произошло очень быстро.

— Ага... Ну вот... Ладно, о мертвых, как говорят... Вот, все сказала, что знала, ничем больше помочь не могу. А вы к его любовнице сходите, любовнице обычно больше рассказывают, чем жене, хотя, боюсь, что не в этом случае... Этот вообще с женщинами не очень разговаривал, считал, что они не для этого созданы... Восточный человек, одним словом.

Я вторично подавился чаем, на этот раз, правда, уже остывшим.

— Простите, если я правильно понял, у вашего мужа была любовница? И вы об этом знали?

— Ну да, а что такого? Все вы, мужчины, хороши. Нашел себе бабу помоложе — я и сама еще вроде не старуха, а вот поди ж ты. Длинную такую, сухую как жердь. Скрипачку у себя из оркестра. Вот они чем чреватые, все эти отлучки из дому по работе на месяц. Нет, я понимаю, ему ж на гастролях надо было с кем-то спать, а денег на девок небось жалко, да и подцепить что-нибудь можно... Но ведь у них серьезный роман был, он чуть ли не жил на той квартире, то на той, то на этой — ну и выгнала я его, что я, терпеть буду? Отношения — это уже не разовая измена, на это глаза не закроешь. Хоть у нас и ребенок. Но мне не жалко — я бы и так с ним рассталась, просто это все ускорило. Подумаешь, тоже мне подарок... Вот к ней и поезжайте, — обрадовалась Марина, —

хорошо, что я вспомнила... Людмила Заречная, скрипачка, да вы в консерватории спросите, в его оркестре работает. Не знаю, где живет сейчас. У меня был, конечно, старый номер ее телефона, раздобыла его на всякий случай – я ведь такой человек, без лишних сантиментов... Но куда-то она переезжала...

И спохватившись, она глянула на часы и хлопотливо стала меня выпроваживать.

– Последний вопрос, – сказал я на пороге, обернувшись. – Ваш муж, насколько я знаю, принадлежал к секте «Орден Солнечного Храма»...

– Ой, бросьте вы, – Марина, сморщившись, махнула рукой. – И ваши вот тоже милицейские меня все спрашивали... Ну к какой секте? Да он ни в бога, ни в черта не верил! Если б сектантом был, неужели я не знала б? Мясо ел, баб заводил... В этом смысле все было в порядке. Никакой религии. Один голый бизнес...

Бизнес... Это интересно. Но пока целой картины у меня в голове не складывалось. Бессмыслица какая-то... Действительно, можно ли в наше время заработать на религиозной деятельности? Хотя почему бы и нет?

Выйдя на улицу, я решил пешком прогуляться до консерватории, благо погода была чудная, и по раннему времени еще не очень пекло. Купил себе по дороге банку пива, не удержался. Голова сразу отчетливо заработала.

Хорошие деньги зашибал Дударов... Интересно, сколько платят дирижерам. Но трехкомнатная в центре Москвы... Да еще чтобы беспрекословно оставить ее супруге... Атракцион неслыханной щедрости.

Может, в консерватории что-то подправить, вспомнил я старую шутку, подходя к полукруглому зданию с колоннами. Какое-то время ушло на то, чтобы пробиться внутрь и добиться аудиенции у администрации.

– Заречная? – сказал, возведя глаза к потолку, дюжий мужик в черном костюме. – Как же, помню. Но она у нас больше не работает, года два как уволилась...

– По какой причине?

– Не помню, кажется, по состоянию здоровья, хотя ходили слухи, что тут было что-то личное... Но мы, знаете, в эти подробности не вдаемся.

– Скажите, у вас сохранились какие-нибудь ее координаты?

– Нет. С адресом помочь вам не могу, у нас тут ремонт был, старые бумаги мы все выбросили... Единственное, что могу вам посоветовать, подите в оркестр, спросите у коллег – может, кто-то поддерживает с ней отношения... Контрабас, например, или скрипки...

Пришлось мне спускаться в оркестровую яму, полную деловитого музыкального народа. Кто-то подтягивал струны, кто-то листал ноты, пробовал мелодию – какофония стояла невообразимая.

– Люда? – спросил мрачный мужчина, держащий между колен контрабас. – А вам она зачем?

– По личному вопросу, – сказал я, не соврав.

– По личному? Интересно... Да, я думаю, у меня есть ее телефон, пойдемте, поищу свой органайзер, пока время есть...

Мы прошли в раздевалку. Мужик покопался в кожаном портфеле и извлек электронный органайзер.

– Привет ей передавайте и скажите – Васильев просит звонить, в принципе, сейчас есть возможность обратно устроиться, или хоть замещать... Хотя нет, это я ей лучше сам... Я так понимаю, дела у нее до сих пор идут неважно... Ах да, вы по личному, значит, вы и сами должны все знать... Или, может, она ваша первая школьная любовь?

– Что-то вроде этого, – сказал я, благодарно переписав в книжечку координаты Людмилы.

К сожалению, тот телефон, что мне дали в консерватории, тоже оказался старым: «Такие здесь не проживают», сообщил мне женский голос. На вопрос, «где теперь проживают такие», на другом конце провода положили трубку. Народ пошел какой-то нервный и некультурный... А может, контрабасист записал неправильно?

Как бы то ни было, мое расследование опять застопорилось.

Что остается? А остается нам с тобой, Гордеев, встретить врага лицом к лицу, а именно – пойти и посмотреть наконец,

что это за секта такая, а еще лучше – проникнуть в нее непосредственно и взглянуть на происходящее изнутри.

Этим я и решил заняться спозаранку на следующее утро.

Глава 4

Прежде чем образумиться, Игорь Сергеевич Минаев, или, иначе, Великое Солнце, немало поскитался по Руси, по тюрьмам, по зонам да по лагерям, где он до краев набрался свежих идей от народных «мыслителей» и разнообразных проповедников. От мелких озорников и крупнокалиберных злодеев Великое Солнце, как губка, напился огромной, нечеловеческой мудростью! Угомонившись, поселился в единственном сохранившемся большом деревянном бараке одного из захиревших поселков ближнего Подмосковья.

В советские времена это живописное место называлось рабочим поселком совхоза имени великого преобразователя эпохи Сергея Мироновича Кирова. Великая историческая личность в миру имела обыкновенную фамилию Костриков, доставшуюся ему от родителей и почему-то скрываемую от потомков.

Нынешний преобразователь – Великое Солнце – тоже решил выявить и подчеркнуть свою подлинную звездную, космическую сущность, скрыв от последователей и почитателей, от соратников и адептов пошлую, банальную подробность – подлинное имя. В паспорте примитивно именовался Игорем Минаевым. Но об этом мало кто знал.

Попросту это никого не интересовало!

Действительно каждому из его последователей было гораздо интереснее и почетнее прислуживать и пресмыкаться перед Великим и загадочным Солнцем, чем перед рыночным попрошайкой и карманником Минаем!

Впрочем, Игоря Сергеевича трудно, вернее, совершенно невозможно было назвать заурядным человеком... Его пламенные речи, своеобразная внешность, умение заинтересовать и, что еще более важно, подчинить человека были выдающимися. Люди с радостью и даже упоением шли за Великим Солнцем, подчинялись Великому Солнцу, выполняли приказы Великого Солнца...

Весь второй этаж бывшего рабочего барака умелыми руками единоверцев был лишен окон, дверей и порогов и превращен в некое подобие мрачного лабиринта Минотавра, где в полутьме, одетый во все черное, обдумывал судьбы мира пророк и наместник Солнца на земле Игорь Минаев...

Ближайшие приближенные были так же одеты в черные одежды с белым широким поясом. Как ночное небо! Как космос! Одежда символизировала мировое пространство, охваченное чистой любовью, не запятнанной разумом.

Рядовые члены общины, как мужчины, так и женщины, в знак чистоты своей совести и помыслов перед Солнцем носили только снежно-белые хитоны, подпоясанные черным шнурком.

– Человек – это чистый лист бумаги, – проповедовал Солнце, хмуро глядя на людей, копошащихся на грядках об-

щего огорода, со свиньями и коровами на самодельной ферме. – И черная черта... Мой знак – круг! Опоясался – заключил себя в круг! В Солнце, в меня... Вы все – мои заключенные! Я вмещаю всех вас!

Черные вельможи жили на первом этаже барака, ближе к божественному Солнцу.

Простолюдины селились в развалинах соседних бараков, сооружали себе отдельные хижины из фанеры и досок. Старались селиться кучно, чтобы совместно обороняться от местных разудалых парней, ополоумевших от водки и абсолютного безделья, систематически нападавших на «поганных басурман», как они называли покорных и безропотно «страдающих за веру» поклонников Великого Солнца.

Сначала беззлобные стычки происходили днем. Возле сельского магазина двое пьяных подростков прицепились к посыльному, покупавшему для колонии соль и спички. Отобрали все, избили... И от молчаливой покорности жертвы пропитались звериной ненавистью!

В роще парни на мотоциклах попытались приглубить, а проще говоря – изнасиловать двух женщин, собиравших грибы и ягоды. Женщины сопротивления вроде бы не оказали, но убежали, отделались только синяками, полученными при знакомстве. Насильники вскипели от ярости!

Капля за каплей, шаг за шагом, не встречая отпора, они обнаглели вконец!

Глубокой ночью с гиканьем и разбойничьим свистом они

подвалили к жилищу сектантов на лошадях и мотоциклах. Зажгли припасенные смоляные факелы. Фанерные лачуги вспыхнули в один момент.

Черные сориентировались мгновенно – спрятались в бараке и крепко забаррикадировались изнутри, приготовившись к осаде.

– Отвлекайте их, чтоб не сунулись к дому Солнца! – пронеслось между избиваемыми. – Чтоб только его не подожгли!

Местные систематически лупили мужиков, женщин помоложе пытались утащить с собой, а детей прогоняли в лес, чтобы те из кустов наблюдали за унижениями и бесчестьем собственных родителей.

К следующему набегу мужчины вооружились колами, железными прутьями, приготовились оказать сопротивление. Но... Солнце, добрый и великодушный, запретил оказывать сопротивление! Видимо, кровавый спектакль чем-то возбуждал его, может быть, окрылял новыми идеями любви и справедливости?! Он наблюдал за побоищем из-за черной шторы на втором этаже.

Но как-то раз местные явились с охотничьими ружьями. Снова то же самое... но теперь с пальбой по бегущим мишеням. Многие тогда получили ранения дробью...

Стреляли и по окнам барака. Настораживало, что каждый раз побои становились все более жестокими и кровавыми.

И тут Великое Солнце решил... любовью преломить ненависть. Он посовещался с черными... Те в гражданской одеж-

де несколько раз отправлялись в сельмаг, закупали водку, несмотря на строжайший запрет употребления спиртного в колонии.

Когда снова внезапно нагрянули ночные бандиты, Солнце впервые осмелился показаться, подошел к окну, откинул штору.

– Люди! – проревел его зычный голос.

От неожиданности все замерли и обернулись.

– Добротой и любовью мы соединим наши сердца! – громко произнес Минаев.

Прежде чем нападавшие успели броситься на приступ барака, Солнце рывкнул:

– Два ящика водки! Налетай, братва!

Черные, открыв двери барака, выставили наружу два пластмассовых ящика с настоящими бутылками самой обыкновенной водки! Сами мгновенно спрятались.

Бандиты, от радости не веря собственным глазам, побросали оружие и кинулись на водку!

– А закусь где? – погрозили кулаком говорящей голове.

– Пусть эта крепкая водка укрепит вашу веру в справедливость и любовь! – проповедовал Солнце сверху вниз. – Люди, дайте им еды, сколько им нужно!

И те, кого бандиты только что избивали, с поклонами принесли и отдали хлеб, огурцы, лук...

– Ваши суровые сердца заслужили покой и любовь! – грохотал Солнце. – Успокойтесь, смотрите на мир сквозь слад-

кие слезы любви!

Бандиты скалились, чокались бутылками, сосали водку из горла.

За их спинами стояли присмирившие белые... с железными арматурными прутьями.

– Водка их расслабит, – шептались они, – и в уши войдут слова, в сердце вольется мудрость нашего Великого Солнца!

Двух ящиков не хватило, чтоб свалить агрессоров с ног, но пыл заметно поубавился.

Колонисты собрались с силами. Женщины успели спрятаться. Мужики вооружились...

– Хорошо, но мало, – сочно отрывнув, заявил предводитель местных. – Завтра приготовьте три ящика. Нас будет больше. А ты, – он снова погрозил кулаком наверх, – заткнись! Жопа говорящая!

Пьяные заржали, кто-то бросил пустую бутылку в окно – промахнулся. Грохнуло рядом, осколки полетели на головы бандитов.

– Местный налог! – снова крикнул атаман бандитов. – Три ящика водки! Каждый день! И нам хорошо, и вам спокойно. Только без всякой там... агитации! Нам опиум для народа не нужен! Ясно?

– Мы хлопцы простые! – заорали в пьяной толпе. – Ежели чего, пожжем прямо в бараке! Нам не привыкать! Тут до вас всех жгли! И будем жечь! Наши барина сожгли и коммунацкую красножопую сволочь жгли! И новых богатеев! И

старых...

– Делайте, как мы говорим! – Предводитель махнул рукой. – По коням, хлопцы!

Все заорали, загорланили лихие частушки...

Белые расступились, давая им проход к мотоциклам.

Взревели моторы – нападавшие умчались.

– Все будет хорошо, – пророкотал Солнце, опуская штору. – Больше они не приедут...

Но он ошибся. В одной пустяковой мелочи...

Через неделю приехал заикающийся чахлый парнишка на мотоцикле.

– На вас скоро... милиция наедет! – заорал он. – Все бутылки проверим, из которых вы наших хлопцев потравили!

На втором этаже распахнулась штора, на черноте бархата засветилась голова Солнца.

– Что с ними случилось? – трагическим басом спросил он. – Их арестовали за нападения на мирных... поселян и за массовые изнасилования?

– Сам знаешь, говорящая жопа! – истерически визжал пацан. – Похоронили их! Поп отпел в церкви! Вот! – Пацан для верности перекрестился. – На вас, басурман... Мы всем миром пойдем! Всех перестреляем!

Он не глушил мотор и стоял, вывернув руль в сторону, чтоб смотаться в любую секунду.

– Разве все они умерли? – спросил, кротко улыбаясь, Великое Солнце.

– Нет, – всхлипнул пацан на мотоцикле. – Почти все...
Осталось человек семь... Я сейчас посчитаю...

– Вот видишь, – сказал ему Солнце приятно рокочущим голосом, – если бы это, как ты говоришь, было отравление, то умерли бы все... Разве не так?

– Так...

– Почему же не умерли те семеро?..

– Восемь, – поправил плачущий пацан. – Я себя не посчитал.

– Это хорошо, что не посчитал, – мрачно рыкнул Солнце. – Угостите гостя!

За спиной пацана появились черные.

Они стремительным ударом сбили его с мотоцикла, вырвали вверх и утащили, мотоцикл упал, колесо завертелось с грохотом.

Кто-то из белых подскочил, ударил ломом – движок заглох...

– Не надо! – завопил пацан, когда его за руки потащили к дверям барака и, будто распав, прижали к дощатой стене. – Мы к вам не будем ездить! Нас уже мало осталось! Всего восемь пацанов на все село!

– Налейте ему! – приказал Солнце.

На глазах у всех один из черных распечатал бутылку.

– Он из горла привык хлебать! – крикнул наверх и приказал черному товарищу: – Подержи ему рот, чтобы я мог влить.

– Не надо, – зарыдал пацан в голос. – У меня отца нету... Я один у мамки... Меня даже в армию не взяли... Пожалейте...

– А ты кого-нибудь пожалел? – спросил Солнце. – Пусть кто-нибудь скажет, что ты его пожалел. Если хоть одна душа найдется, которая могла бы заступиться за тебя... тогда ты вернешься трезвым. К своей глупой мамке...

– Она не глупая... Она учительница, – жалобно всхлипнул пацан.

– Что же не смогла тебя воспитать? – грозно обвинил Солнце. – Дерьмо!

Белые столпились вокруг пацана...

– Все в руках нашего владыки, в руках Великого Солнца, согревающего вселенную! – провозгласил Солнце. – Если никто не скажет о тебе доброго слова, ты выпьешь, а там... уж как получится. Ты знаешь сам, что не каждому уготована быстрая и легкая смерть...

– Они поносом изошли, – сопли текли по губам пацана, – кровью дристали. Только на четвертый день... отдали душу... Врачи приезжали, думали, что эпидемия... Холеры или тифа...

– Дизентерия, – уточнил Солнце. – Картина ясная. Вы же рук не моете. Вот вам и заповедь первая – мойте руки перед едой!

– Можно я слово скажу? – В первые ряды зрителей протиснулась пожилая женщина.

– Говори, – милостиво разрешил Солнце, – только не ври. Твои слова должны подтвердить люди. Если ты хочешь ложью спасти преступника, то... Тебя ждет такая же кара...

Женщина испуганно отступила.

– Больше нет желающих выступить? – Солнце закрыл штору. – Приступайте!

Один из черных широким ножом разжал зубы упирающегося пацана, другой, уцепившись за волосы, запрокинул голову... Третий аккуратно, стараясь не расплескать, влил половину бутылки... Пацан, захлебываясь, проглотил.

Его отпустили. Он сделал несколько шагов и повалился на землю.

– Домой я не пойду, – горько заплакал он. – У меня сестренка маленькая... Не хочу, чтоб видела... Пусть живет, пусть от меня не заражается...

Добрые женщины в белых хитонах караулили над ним всю ночь и молились о прощении его грехов. Видимо, это и помогло. Утром, к собственному изумлению, пацан проснулся.

– Тебя Солнце простило! – радовались женщины. – Беги к маме, к сестренке! Мы молились, чтобы Солнце увидело тебя! И простило! Ты будешь жить!

Счастливый пацан ощупал свои штаны, убедился в их сухости.

– Башка просто раскалывается, – хрипнул он. – Мне бы похмелиться маленько.

– Да что ты?! – ужаснулись женщины. – Беги домой.

– Ну ладно, – пацан с трудом поднялся и заковылял к мотоциклу, – воды хоть дайте.

– Это правда, что ваши ребята пропоносили? – Сердобольная женщина принесла ему кружку с холодной водой.

– Правда, – буркнул пацан. – Тринадцать человек умерло.

– Не может быть! – ужаснулись женщины.

– С чего бы это? – прищурился пацан, возвращая пустую кружку. – У вас тут всех недовольных убивают?

– Никогда! Друг на друга и голоса повесить нельзя! У нас и рукоприкладства никакого! Да тьфу на тебя! Надо кружку после тебя выкинуть! – решили женщины. – Это ваша деревенская зараза. Холеру еще занесешь... Проваливай!

– А правда, что у вас мужикам нельзя баб ети? – осклабился пацан, заводя мотор. – И даже сиськи полапать?

– Проваливай, чума деревенская! – набросились на него женщины.

– А то давайте приходите к нам! – засмеялся пацан, вырываясь на дорогу.

К полудню приехал на милицейском «газике» участковый. Минаев к нему не вышел. Черные быстро переоделись в гражданскую одежду, а белые предусмотрительно попрятались.

Участковому доходчиво объяснили, дескать, в развалинах рабочего поселка поселились обыкновенные городские туристы-дикари, поддерживают в поселке порядок, берегут его от пожара, охраняют от возможного противоправного упо-

требления.

– Чтоб бомжи не завелись, – улыбнулся один из приближенных. – Или криминал... А мы добропорядочные граждане. Я – старший группы. Вот мой паспорт, вот паспорта проживающих. Вот списки, домашние адреса, – он помахал перед лицом участкового пачкой паспортов и бумаг. – Так что у нас все чинно, благородно. Проходите в барак, мы вам покажем наше хозяйство.

И они показали.

Через час участковый вышел изрядно подвыпившим, приятно отягощенным вовсе не лишней для семейного бюджета сотней долларов, переполненным добрыми чувствами ко всем тут обитающим.

– Добрые люди! Вы замечательные, мудрые, счастливые! – умилительно улыбался милиционер. – Если бы все на земле могли бы стать такими, как вы! Вы создали подлинный рай на земле!

– Приходите к нам чаще, – его заботливо подсадили в машину. – Приводите своих друзей. Мы будем дружить.

– Обязательно будем дружить! – С третьей попытки участковый попал ключом в замок зажигания.

Мотор истошно взревел... к общему удивлению, милиционер выехал аккуратно, ровно и не спеша.

Ни участковый, ни белые колонисты так и не узнали, что простая идея подсунуть мучителям отравленную приманку, как крысам, была, конечно, умной... Но по-настоящему муд-

рой ее сделал Минай, приказав «зарядить» отравой только половину бутылок.

– А почему же тогда отбросили коньки больше половины бандюков? – шепотом спрашивали у него черные.

– Менялись бутылками, многие скопытились за компанию, то есть с перепугу. И в-третьих, на то была воля божественного Солнца.

– Люди переживают... Не знают, как реагировать.

– Я их успокою, – нахмурился Солнце. – Я расскажу им, о чем надо думать.

К вечеру началась подготовка к торжественному Слову.

Все отправились к пруду. Мужчины на илистый берег, заросший острой осокой и камышом, женщины на песчаный пляж, который хорошо виден из окон второго этажа барака Великого Солнца.

После священных омовений, облачившись в белые одежды, все отправились молиться Солнцу на опушку леса.

Двух молодых женщин, как и заведено, проводили в барак. Для облачения самого Великого Солнца.

Все черные во время священной процедуры объявлялись временно отсутствующими и покидали второй этаж. Обе женщины находились до вечера.

К ночи молеельники возвращались к бараку. Распахивалось окно на втором этаже. Великое Солнце появлялся в сопровождении двух сияющих счастьем милых мордашек.

– Родные мои! – ревел окрыленный нахлынувшими чув-

ствами Минаев. – Сегодня я расскажу вам о самых священных, самых тайных, самых сладких... О том, как я... О том, что мы должны!.. О том, как мне говорило само Солнце...

Так начинался великий обряд торжественного Слова.

Слово Минаева длилось беспрерывно далеко за полночь. Потом он вновь исчезал с женщинами, которые возвращались в поселение лишь на вторые, а бывало, что и на третьи сутки. Иногда он прерывался в процессе речи... Часика на полтора. Затем появлялся снова. И продолжал проповедь до утра.

– Я знаю, – рокотал, как дальний гром, густой бас Игоря Сергеевича Минаева, – что испытания, которые выпали на вашу долю, приняты, хотя изначально ваши умы измучило сомнение. Тела ваши бунтовали, но за смирение вы заслуживаете бессмертия. Пожалев убивающих вас, вы стали бессмертными! Души ваших гонителей взял тот, кто дал им души. Только та душа, которая может узнать в препятствиях и испытаниях мою волю и всесокрушающую любовь, только такая душа достойна быть рядом с Солнцем вовеки. Я умножаю свою любовь к вам, дети мои, ибо знаю, что вы способны стать теми, кто не будет вычеркнут из книги Светлых Душ. На вас возложил я идею возрождения человека и только для вас готовлю человечество к наступлению Новой Веры. Ибо давно бы разрушил все, что создано с помощью энергии света моего. Братьям же, которые ждут своего часа, готовясь к встрече с солнечным светом, скажу: «Надейтесь и верьте, что

Свет мой горит в ваших душах! Это я зажег его!» Вы же, возлюбленные мои, держитесь крепко и верьте мне, что бы ни происходило перед вашими глазами! Как одна нога верит другой, ибо, споткнувшись обо что-то, правая нога придет на помощь левой и, лишь шагая вперед одной ногой, вторая шагает дальше! Так преодолеваются многие препятствия. Каждой ноге отмерен свой отрезок пути.

В этом логика проповеди зашла в тупик гораздо раньше обычного. Наступившая пауза затянулась. Черные пошли к замершим в ожидании мудрости людям. Стали каждого угощать из маленького ковшика – мистический напиток Великого Солнца должен достаться каждому!

Каждый сладко заснет этой ночью, и каждый увидит блеск вечной звезды, вокруг которой вращается вселенная! Почувствует всю горечь сожаления о грехах, всю сладость прощения вины... Вольной и невольной... Великая мудрость, нерасторжимая связь с Солнцем, источником всех наслаждений, навеки поселится в сердце...

На следующее утро к Великому Солнцу явился неизвестный человек, о котором после долгих пререканий с черными, после разных опросов, допросов и проверок все-таки доложили на второй этаж, прервав священный «обряд» с двумя юными женщинами.

– Кто еще? – недовольно спросил Минаев.

– Говорит, что его зовут Брандо, – не поднимая глаз, от-

ветил черный.

– Как? – приподнялся Игорь Сергеевич. – Брандо? Давай его сюда! Быстро! А вы, девки, одевайтесь, но не уходите! В соседней комнате подождите, еще понадобится. Ох как понадобится! Если это тот самый Брандо, какого я знал раньше!

Бравый красавец Брандо, прозванный так за удивительное сходство с великим американским актером, имел настоящее, паспортное, и не менее кинематографичное имя – Сергей Соловьев. Он был старинным приятелем Игоря Минаева. Много замечательных дел провернули они вместе.

– Небось не думал, что я сделаюсь живым богом на земле? – Минаев поднялся навстречу Сереге. – Ты видал, сколько на меня шестерит?

– Круто, – хмыкнул Соловьев-Брандо. – Но у нас покруче будет. То же самое, но на европейском уровне!

– Так вас и за задницу по-европейски возьмут!

– Поздно! Мы уже полноценные граждане. Своих людей поставили везде, где надо. Адвокаты, мэры, пэры. Платишь бабки, они тебе служат! Верой и правдой!

– А за меня каждая овца сама себе глотку перегрызет! Хочешь, продемонстрирую?

– Зачем, – брезгливо скривился Брандо. – Я тебе, солнышко, и так верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.